

HARLEQUIN

Хейли Бетс

**ДЕВУШКА
ДЛЯ СЕКС-ЭКОРТА**

Хейди Бетс

Девушка для секс-эскорта

OCR Денис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158834

Хейди Бетс. Девушка для секс-эскорта: Радуга; Москва; 2007

ISBN 978-0-373-76779-3

Оригинал: HeidiBetts, "Blackmailed into Bed"

Перевод:

М. Турунова

Аннотация

Когда-то давно Елена нанесла Чейзу Рэмсею непростительное оскорбление. А теперь пришла к нему с поклоном, умоляя не разорять ее отца. Чейз согласен, но с условием – честно говоря, непристойным...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	44
Глава 5	56
Глава 6	68
Глава 7	80
Глава 8	93
Глава 9	103
Глава 10	115
Глава 11	130
Глава 12	144
Эпилог	156

Хейди Бетс

Девушка для секс-эскорта

Бете, Хейди

Б54 : Роман / Пер. с англ. М. Туруновой. – М.: ОАО Издательство "Радуга", 2007. – 144 с. – (Серия "Искушение")

ISBN 978-0-373-76779-3 © 2007 by Heidi Betts

© Художественное оформление издательство "Арлекин
Энтер-прайзиз II Б. В./ С.а.р.л." © Перевод на русский язык

ОАО

ISBN 978-5-05-006669-5 Издательство "Радуга", 2007

Глава 1

Елена Санчез оказалась в длинном коридоре, ее каблук дробно простучали по выложенному дорогой плиткой полу. За стойкой, где положено бы находиться секретарю, – никого, но, с другой стороны, время обеденное. Она и сама сбегала из конторы, чтобы прийти сюда.

Проходя вдоль ряда дверей, она разыскивала табличку с именем человека, которого хочешь не хочешь, а следует повидать. Положение отчаянное – в противном случае она прекрасно обошлась бы без Чейза Рэмсея. И определенно не стала бы искать встреч с ним.

При виде нужной таблички ее сердце ухнуло куда-то вниз, захотелось развернуться и убраться отсюда поскорей. Но раз решение принято, отступать нельзя.

Подняв руку, она стукнула в дверь. Вытерла ладонь о свою красную, чуть выше колен, юбку. Не хочется, чтоб он догадался, как она нервничает, если придется пожимать руки.

Из комнаты донеслось неразборчивое бормотание, а может, и проклятие, после чего уже отчетливо: "Войдите".

Повернув ручку, она распахнула тяжелую дверь и оказалась внутри. Большой кабинет с тремя громадными окнами, из которых открывался широкий вид на город внизу. Восточный ковер и два темно-зеленых кресла заполняли пространство перед широким столом.

Сидящий за столом Чейз Рэмсей что-то писал, одновременно разговаривая по телефону. Он даже не потрудился поднять голову, хотя, несомненно, слышал, как она вошла.

Не решаясь сесть без приглашения, Елена остановилась почти на пороге, перебирая в пальцах ремешок сумочки, висящей на плече.

Он не утратил былой привлекательности. Проклятие. Хотя и заметно возмужал, черты лица стали четче, определеннее – они не виделись с тех пор, как оба были подростками.

Черные волосы подстрижены очень коротко, лишь у лба угадывается намек на завитки. Судя по тому, что можно разглядеть, фигура близка к совершенству – широкие плечи, загорелые руки. С такими руками хорошо гирями жонглировать.

Или носить женщин на руках.

О господи. И чего только в голову не взбредет. Она сильнее вцепилась в ремешок сумочки, чувствуя слабость в коленях.

Итак, у него имеются большие руки. Большие, загорелые, внушительные руки. Но то, что она их заметила – и позволила отвлечься на них, – ничего не значит. Ну разве лишь то, что давненько у нее не было приличного мужского общества.

Что-то звякнуло, она моргнула, подняв глаза на его лицо. Пока она предавалась переживаниям, Чейз Рэмсей закончил разговор и выжидающе уставился на нее.

– Чем могу служить?

Глубоко вдохнув, она шагнула вперед, остановившись между двумя креслами для посетителей.

– Меня зовут Елена Санчез. Мне хотелось бы обсудить с вами вопрос о компании "Санчез".

Она точно уловила момент, когда он вспомнил ее. Не просто имя отцовской компании, которую собирался купить, а именно саму Елену. И имя, и черты лица, если, конечно, помнил их все эти годы. Глаза стали жестче и темнее, рот сжался в узкую, злую щель. Он уронил ручку на стопку бумаг и откинулся на спинку кресла. Положил руки на подлокотники, сцепил пальцы перед собой и начал раскачиваться – взад-вперед, взад-вперед...

Внутренне она съежилась. Судя по его реакции, память у него превосходная. И презрение его вполне оправданно. Двадцать лет назад она была избалованной, высокомерной девчонкой и обращалась дурно со многими, не с одним Чейзом.

И ее тогдашняя молодость никак не может быть извинением. Будучи детьми, все делают ошибки, и частенько за них приходится платить уже во взрослом возрасте.

Вот ее наказание за грехи юности – сегодняшняя встреча с Чейзом Рэмсеем, и в особенности то, что она пришла как просительница, пытаясь спасти семейный бизнес.

Ладно, пусть будет трудно, но следует идти вперед и принять свое возмездие.

Зазвонил телефон, но Чейз не прореагировал на него. Он

продолжал раскачиваться в кресле, не отрывая глаз от ее лица, словно пытаясь проникнуть взглядом в самую душу.

И возможно, преуспел. Она казалась себе выставленной напоказ, абсолютно раздетой, словно и не было на ней самого лучшего ее делового костюма.

Красная льняная юбка и пиджак поверх белой блузки всегда давали ей ощущение уверенности и контроля над ситуацией. Сегодня утром она выбрала их намеренно, зная, что собирается лезть в пасть ко льву.

Теперь выяснилось, что она зря старалась. С тем же успехом можно было вырядиться в железную броню. Даже тогда бы она нервничала не меньше перед лицом Чейза Рэмсея, ожидая, пока он сдерет с нее еще один слой кожи или выставит вон, не утруждая себя выяснением причин ее появления здесь.

Наконец он поднял брови, уголки его рта дрогнули в подобии усмешки.

– Елена Санчез, – холодно пробормотал он и, медленно поднявшись на ноги, обошел стол. – Вот уж не думал, что придется снова услышать это имя. Тем более не ждал вашего визита в мой офис.

Он остановился прямо перед ней. Воздух между ними сгустился, Елена почувствовала, что задыхается в такой непосредственной близости от него.

Опершись о край стола, он пронзил ее недобрым взглядом синих глаз.

– Как я понимаю, вы явились сюда умолять меня не покупать бизнес вашего папочки, – сказал он насмешливо. – Извините, милая, но я бы не смог превратить корпорацию "Рэмсей" в компанию с многомиллионными доходами, если б так легко ловился на длинные ресницы и пару стройных ножек.

Его взгляд нагло ощупал ее тело, грудь, бедра, скользнул по ногам.

– Как бы хороши они ни были, – добавил он, неохотно переводя глаза на ее лицо.

Пришел ее черед поднимать брови. Бросив сумочку в одно из кресел, она постаралась по мере возможности спрятаться за спинкой.

– Я не собираюсь ни о чем умолять. Я пришла обсудить деловые вопросы, имеющие большое значение для моей семьи. А ваше мнение о моих ресницах и ногах к делу не относится. Мы оба взрослые люди и можем спокойно присесть и поговорить без того, чтобы вы пялились на меня, словно кот на сметану.

Мышца на щеке Чейза дернулся, он с трудом удержался от откровенной ухмылки.

Прошло двадцать лет с тех пор, как он видел Елену. И, если честно, совершенно не стремился к возобновлению знакомства. Она относилась к разряду болезненных воспоминаний юности. Стоит дать слабину, позволить стене между прошлым и настоящим слегка пошатнуться – и давние раны

могут вновь воспалиться и закровоточить.

Он давно забыл Елену. Даже приняв решение купить компанию ее отца, он не связал бизнес с ее именем. Для Чейза это было очередной деловой операцией, из тех, что превратили его к тридцати пяти годам из сына скромного фермера в миллионера, главу собственной корпорации.

Оттолкнувшись от стола, он пригладил галстук и снова обогнул стол.

– Что же, – он указал ей на кресло, за которым она стояла, прямая и неподвижная, как статуя, – сядем и поговорим.

Мгновение она не двигалась, словно пытаясь усмотреть в его предложении скрытый подвох. Потом резко шагнула, присела на край кресла, на котором уже лежала ее сумочка.

Колени вместе, спина прямая, руки на коленях – она выглядела как дебютантка, впервые появившаяся в свете. Роль, к которой ее и готовили. Чейзу было неприятно видеть ее такой. Это напоминало ему о девочке, которой она была в четырнадцать. Той девочке, что растоптала его сердце, пройдясь по нему туфельками на тонких каблучках.

Отодвинув в сторону старые обиды и переживания, он поднял на нее глаза и сделал попытку обращаться с ней как с одним из своих деловых партнеров.

– Очень хорошо, – он оперся локтями о стол. – Я слушаю. О чем вы желали поговорить со мной?

– Вы собираетесь купить компанию моего отца... – начала она.

– Я покупаю компанию вашего отца, – поправил Чейз.

Надо отдать ей должное, она не позволила своему огорчению отразиться на лице.

– Я здесь, чтобы попросить вас пересмотреть свое решение. Или хотя бы дать моему отцу время, чтобы найти деньги и привлечь ресурсы, необходимые для спасения SRS.

– А он считает, что сумеет найти дополнительные ресурсы? – спросил Чейз, как всегда заинтересовавшись новой информацией, имеющей отношение к готовящейся сделке.

– Да.

На долю секунды она отвела глаза, позволяя ему сделать вывод, что уверенность ее не настолько сильна, как ей хотелось бы показать.

– Он думает, что, имея достаточно времени, сможет реанимировать компанию. Я прошу вас дать ему время, потому что потеря компании может пагубно отразиться на нем самом.

Ее зеленые глаза, опущенные густыми темными ресницами, взывали к пониманию и сочувствию. Что-то теплое шевельнулось в его душе, но он сжал челюсти, мысленно призывая себя не раскисать. Он уже раз подпал под обаяние ее томных глаз и получил хороший щелчок по носу. Больше такого не будет.

– Компания – его жизнь, – продолжала Елена. – Он создавал ее с самого начала, ничего не имея. Она – фундамент благополучия нашей семьи. После смерти матери отец поз-

волил себе запустить дела – он и сам это признает, – но сейчас он опять начал работать и не даст SRS пропасть.

Трогательная история, рассчитанная задеть чувствительные струны его сердца. Вот только нет у него в сердце чувствительных струн.

– А мне какое дело? – грубо перебил он.

Зеленые глаза полыхнули.

– Вы хотите купить компанию "Санчез" и разбить ее на части, продав тому, кто больше заплатит. Я понимаю, что при этом вы получите неплохой доход, но прошу вас, примите во внимание пот, кровь и слезы, понадобившиеся для основания компании. Вспомните о трагедии, которой продажа компании станет для ее владельца и его семьи.

– Эмоциям не место в бизнесе. Покупка SRS – чисто финансовая операция, и вы правы – на ней я получу солидный куш. Я не могу думать о переживаниях прошлого владельца и о том, почему он довел компанию до краха.

Чейз ждал повторной вспышки в зеленых глазах, но не дождался. Она медленно наклонила голову, собираясь для еще одной, последней попытки.

– Я понимаю вашу позицию. Но неужели несколько недель нанесут вам такой громадный ущерб? Есть множество других компаний. Дайте же отцу хотя бы месяц. В любом случае вы потеряете лишь немного времени. – Помолчав, она добавила: – Если конечно, у вас нет личных причин отказывать в помощи мне и моей семье.

Последнюю фразу она выделила, давая понять, что помнит события двадцатилетней давности не хуже его. Хотя он и сомневался, что ее реакция могла быть столь же сильной. Смущение и стыд поднялись в нем с неожиданной силой.

Елена Санчез несколько не изменилась. Нет, конечно, она превратилась в прекрасную женщину, но ведь и девочкой была хорошенькая.

Суть же осталась прежней. Она все так же рассчитывает и на свои женские чары, и на репутацию и богатство своей семьи там, где ей надо получить желаемое.

Но в данный момент компания "Санчез" в такой большой беде, что даже Елена ощутила необходимость попытаться помочь отцу, вместо того чтобы ждать от него решения проблемы. Теперь она явно рассчитывает, что Чейз будет плясать под ее дудку, очарованный прелестями, выглядывающими из-под краешка юбки и из выреза блузки.

Только, к несчастью для нее, Чейз не тот человек, которого можно водить за нос... или за другую часть тела.

– Я уже говорил, – сказал он сухо, – даже если у меня и есть какие-то чувства в отношении вашей семьи, я не позволю им мешать бизнесу.

– Ну что же... – Она поднялась на ноги, взяла сумочку. – Полагаю, я не имею больше права отнимать ваше время. Спасибо за то, что уделили мне внимание. Не буду вас отвлекать.

Он смотрел на ее напряженную спину и покачивающиеся

бедра, неосознанно желая окликнуть ее, вернуть. Почему так хочется задержать ее еще на несколько минут, когда только сегодня утром ему и думать о ней было тошно?

Мозг раздирали самые противоречивые соображения, противно было сознавать, что он все еще находит ее привлекательной. Ему хотелось и помочь ей, и наказать ее одновременно.

– Погодите, – позвал он, увидев, что ее пальцы уже легли на ручку двери.

Медленно, с явной неохотой, она обернулась.

– У меня есть для вас предложение, – сказал он, вставая из-за стола и подходя к ней совсем близко. – В настоящее время мне требуется компаньонка. Красивая женщина, которая будет сопровождать меня в деловых поездках и встречах с партнерами.

Он поправил галстук. Его заявление было по крайней мере наполовину правдой. Ему не то чтобы нужна такая женщина, просто было бы удобно иметь ее в своем распоряжении. Вот только непонятно, почему он решил сделать это предложение данной конкретной женщине. Что не мешало идти-к цели, пусть даже она пока никак не реагировала.

– Если вы согласитесь, я предоставлю вашему отцу время, чтобы спасти SRS. День, неделю, месяц – столько, сколько вы работаете на меня.

Ее губы шевельнулись, словно она собиралась заговорить, но не успела она произнести и слова, как он поднял руку,

призывая к молчанию.

– Прежде чем принять решение, вам следует знать, что соглашение предусматривает секс. Я ожидаю, что вы будете делить со мной постель, если я того потребую.

Глаза Елены широко расширились, она едва удержалась, чтобы не влечь ему пощечину. За кого он ее принимает?

– Разве нет женщин, которых вы могли бы нанять для подобных вещей? Я не проститутка.

– Я ничего подобного не говорил. Я просто объясняю вам, что мне требуется и что вы можете сделать, чтобы помочь отцу сохранить бизнес.

– Значит, вы предлагаете мне стать вашей любовницей? Живой куклой, которую можно вытащить из коробки в случае надобности, а после спокойно убрать до следующего раза?

Он сунул руки в карманы брюк.

– Я бы описал это немного по-другому, но да. Мне нужна любовница, а вам нужно время, позволяющее спасти компанию отца. Сделка есть сделка – можете соглашаться, можете нет.

– Вы негодяй, – выдохнула она с полузадушенным смешком, словно тут было над чем смеяться.

– Очень возможно. Но это ведь вы пришли ко мне. И можете считать себя счастливой, что я делаю вам хоть какое-то предложение. Я мог бы просто ответить "нет" без всяких разговоров.

Ей хотелось бы возмутиться, но она знала, что тут он абсолютно прав. Приходить сюда было очень рискованно, и предложение хоть какого-то компромисса – большая удача.

Вопрос в том, имеется ли у нее выбор?

Если она откажется, придется возвращаться домой и наблюдать, как отец теряет любимое дело, компанию, кормившую их семью и сделавшую ей имя.

Но стать любовницей Чейза Рэмсея? Кажется невозможным просто лечь в постель с совершенно чужим человеком, а тут она абсолютно уверена, что конкретно этот человек имеет все основания ее ненавидеть. Возможно, здесь и следует искать мотивы его предложения. Трудно представить, что он мог бы позволить подобное с другой женщиной, пришедшей к нему обсуждать деловые проблемы.

Она глубоко вдохнула. Пальцы, удерживающие ремешок сумочки, побелели.

– Есть у меня время на обдумывание? – спросила она, стараясь говорить ровно. – Или требуется сразу принять решение?

Вместо того чтобы ответить, Чейз Рэмсей вынул руки из карманов и вернулся к столу. Взяв с него листок бумаги и ручку, он быстро нацарапал что-то и протянул листок ей.

Заглянув в него, она обнаружила дату, время и название местного аэропорта. Ниже он записал номер рейса на Лас-Вегас.

– Даю вам время до четверга. Если появитесь, я буду счи-

тать, что вы согласны на мои условия, и ваш отец получает отсрочку. Если нет... – он вздернул голову и поднял бровь, – я приступлю к операциям с SRS.

Глава 2

Вечером, вымотанная и физически и эмоционально, Елена вернулась домой. После встречи с Чейзом Рэмсеем она поехала в свою контору и попыталась сосредоточиться на документах, нужных ей как социальному работнику. К счастью, сегодня никаких посещений запланировано не было, а бумаги могли подождать. Она займется ими потом, когда немного встряхнется и будет чувствовать себя не такой... выпотрошенной.

В голове зудела одна фраза. Глубокий, вкрадчивый голос Чейза без конца повторял: "Мне нужна любовница".

Мне нужна любовница...

Мне нужна любовница...

Мне нужна любовница...

Больше всего ее беспокоило, просто сводило с ума то, что всякий раз, как в мозгу звучали эти слова, следом приходили живые, яркие образы.

Воображение рисовало Чейза Рэмсея без дорогого костюма, сплошная загорелая кожа и бугрящиеся мускулы. Чейза Рэмсея, нависшего над ней, распростертой на атласных простынях, обнаженной и жаждущей его прикосновений.

Он привлекательный мужчина, а она – живая женщина. Нельзя винить ее за откровенные фантазии с его участием, тем более что он пригласил ее разделить с ним постель не бо-

лее чем пять часов назад. Но ее удручало, что ярость, охватившая ее вначале, постепенно сменяется сомнениями. Она позволяет себе всерьез рассматривать его предложение.

Поставив кейс в прихожей, она скинула туфли и облегченно пошевелила пальцами. Туфли на таких высоких каблуках не слишком уместны на работе, но с ее любимым костюмом они создавали прекрасный ансамбль, а ей требовалось знать, что она на высоте.

В одних чулках она пересекла широкое фойе, остановившись проглядеть почту, лежащую на столике у лестницы.

В доме на перекрестке Габриэлз прошла вся жизнь Елены, но в последнее время тут ей стало неуютно. Возможно, потому, что дом больше напоминал особняк наподобие описанных в "Унесенных ветром". Гигантские ионические колонны, широкая изогнутая лестница, ведущая на второй этаж, балконы, с которых открывался вид на великолепные тexasские ландшафты.

Отец построил дом, когда компания "Санчез", обслуживающая рестораны, впервые принесла крупный доход. Елена подозревала, что показной шик был призван доказать сомневающимся, что первое поколение новоявленных капиталистов может жить не просто хорошо, но очень хорошо.

До последнего времени ей нравилось жить здесь. Подростком она рассматривала дом как дополнительный повод впечатлить друзей и приглашала их к себе по любому случаю.

Но без матери, способной наполнить их жилище любовью

и смехом, дом стал пустовать и казался излишне большим.

Пора подумать о переезде в другое место. Надо было уехать давным-давно, но сначала болела мать, потом невозможно было оставить отца.

Да и сестра Аландра жила тут по той же причине.

Выбрав журналы и письма на свое имя, Елена поднялась к себе в комнату. Хотелось скинуть одежду и погрузиться с ванну с пеной. Можно зажечь несколько свечей, включить классическую музыку, а то и налить бокал вина и потягивать его, отмокая в ванне. И постараться забыть отвратительное предложение Чейза.

На середине коридора ее настигли пронзительные звуки рок-н-ролла. Любимая музыка сестры вырывалась из-под двери ее комнаты, Елена слышала и подпевающий голос Аландры.

Она собиралась уже проскользнуть мимо, пытаясь не обращать внимания на неистовый грохот барабанов и брэнчание бас-гитар, как дверь открылась и на пороге показалась Аландра. Всей одежды на ней было – ярко-розовые тапочки и черные чулки.

Обе женщины вздрогнули от неожиданности, потом Аландра всплеснула руками и радостно улынулась.

– Ой, Елена, – ей приходилось перекрикивать музыку, из-за открытой двери ставшую еще пронзительнее, – как хорошо, что ты дома. Я только собиралась спуститься и спросить Конни, что она думает о моем наряде, но твое мнение

несравненно ценнее.

Взмахом руки она пригласила Елену войти, быстро прошла по пушистому ковру и выключила стерео. Внезапная тишина показалась оглушающей, но Елена оценила жест – сестра знала, что громкая музыка ее раздражает.

– Через час у меня обед. Мы пытаемся собрать деньги на постройку помещения для женщин – жертв домашнего насилия. Слава богу, сегодня не я ответственная, но все равно мне хочется хорошо выглядеть.

Елена присела на круглую кровать в центре комнаты, а Аландра забралась в шкаф и вытащила оттуда два платья на вешалках.

– Какое тебе больше нравится? – она прикладывала к себе то одно, то другое.

Аландра Санчез была поистине роскошной женщиной. Оливковая кожа, чистая и гладкая, и напоминающая песочные часы фигура являлись предметом ее законной гордости. Кроме того, природа одарила ее красивыми карими, миндалевидной формы глазами. Что касается Елены, оказавшейся в их паре менее привлекательной сестрой, то она утешала себя тем, что все неизменно удивлялись их сходству, а следовательно, и она была не уродиной.

Помогал и доброжелательный нрав Аландры. Она всегда готова была помогать другим, и чем больше человек нуждался, тем больше она старалась отдать. Аландра состояла во всех мыслимых благотворительных обществах, как внут-

ри страны, так и международных. Главным ее талантом было убеждать людей отдавать время и деньги на бесчисленные благотворительные цели. Даже просто находясь рядом с ней, окружающие становились куда отзывчивее и частенько чувствовали себя виноватыми, что не замечали нуждающихся раньше. Елене казалось, что ее маленькая сестричка способна убедить и змею поделиться чешуей, да та после еще и благодарить будет.

– Это? – спросила Аландра, врываясь в ее мысли.

В черном обтягивающем платье Аландра смотрелась умопомрачительно. Мужчины будут сходить с ума и падать к ее ногам. В розовом с черным кантом она тоже получит свою долю мужского внимания, но тут ее жертвы хотя бы имеют шанс изредка отвлечься на ораторов и вникнуть в обсуждаемые вопросы.

– Розовое, – сказала Елена. – Никаких сомнений.

Аландра кивнула и убрала черное платье обратно в шкаф.

– Я тоже так считала, но мне требовалось второе мнение. А черное я приберегу для следующей недели, когда понадобится выступить по поводу увеличения вкладов в фонд защиты животных.

И усмехнулась, дав Елене понять, что знает об убийственном сочетании Аландра – черное платье.

Елена со вздохом поднялась, собираясь направиться к себе.

– Погоди, Елена.

Надев платье, Аландра повернулась спиной и подняла вверх длинные прямые черные волосы.

– Застегни молнию, а потом обсудим, что тебя беспокоит.

Елена потянула молнию вверх.

– Ничего меня не беспокоит. Я просто устала.

Аландра покачала головой.

– Как же. Папу ты можешь обмануть, но со мной не пройдет. Я твоя сестра и могу читать тебя, как открытую книгу.

Крутанувшись перед зеркалом, она повела Елену обратно к кровати, на мгновение задержавшись, чтобы сунуть ноги в туфли на высоких каблуках.

– Давай колись. – Оживление Аландры отнюдь не унимало боль, начинавшую пульсировать в висках у Елены. – Ты ходила? – Она слегка понизила голос. – Разговаривала с Чейзом Рэмсеем?

Как только мысль сходить к Рэмсею, чтобы попытаться спасти отцовский бизнес, оформилась у нее в голове, Елена посвятила в свою идею сестру. Они были подружками и наперсницами с самого детства и всем делились друг с другом. Елена не только доверяла Аландре свои секреты, но и рассчитывала на ее совет там, где требовалось принять решение.

И хотя Аландра согласилась, что поговорить с Чейзом – идея хорошая, ни одна из них ничего не сказала об этом намерении Виктору Санчезу. Их отец был человеком гордым и не позволил бы никому – меньше всего собственным доче-

рям – вмешиваться в его дела.

Они решили сказать только в случае, если обстоятельства сложатся удачно. В противном случае нечего ему и знать.

Елена кивнула, вновь мысленно обратившись к мгновениям встречи с Чейзом.

Глаза Аландры засветились любопытством.

– И как? Он нам поможет?

– При одном условии.

– Каком?

Елена встретила взгляд сестры и промямлила голосом, лишенным всяких эмоций:

– Если я соглашусь спать с ним.

Утешительно было наблюдать всплеск ярости у сестры, но Елена сразу же уgomонила ее, попросив вести себя тише, ведь их могут подслушать. Сомнительно, что папа уже дома, но Конни, их приходящая экономка, вечно оказывалась в самых неожиданных местах.

Аландра примолкла, и Елена посвятила ее в подробности свидания с Чейзом Рэмсеем, не упустив ни слова и описав даже выражение его лица.

– И он сказал мне, что даст папе дополнительное время, чтобы спасти SRS, если я соглашусь стать его любовницей. Он хочет, чтобы я встретила его в аэропорту для поездки в Лас-Вегас, если я приму положительное решение.

Она достала из кармана пиджака листок бумаги, полученный от Чейза, и протянула сестре. Аландра изучила напи-

санное, сложила записку и вернула ее обратно.

– И что ты собираешься делать? – спросила она.

– Не знаю, – покачала головой Елена, измученная уже самой своей нерешительностью.

– Хочешь, я пойду?

Елена начала смеяться и внезапно поймала взгляд сестры.

– Ты серьезно? Ты сделаешь это для меня?

Аландра пожала плечами.

– Для тебя, для папы, для семейного бизнеса. Это будет не слишком трудно. Ты ж сказала, он душка?

Елена такого не говорила, да и слово "душка" не слишком подходило к суровому Чейзу Рэмсею.

– В конце концов, у меня все равно давненько не было приключений такого рода, – продолжила Аландра, видя, что Елена не откликается. – И если парню желательнее с кем-то просто переспать, то, скорее всего, ему без разницы, с какой из сестер.

Елена вновь рассмеялась. Потом обняла Аландру и крепко прижала к себе.

– Ох, Аландра, я люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю. И готова принять удар на себя, если ты согласишься.

Вот так-то. Странно, но, представив в постели с Чейзом сестру вместо себя, Елена ощутила необъяснимую ревность.

Откуда? Как можно ревновать к собственной сестре, готовой лечь в постель с незнакомцем, чтобы спасти Елену и

семейный бизнес? И откуда взялись собственнические настроения в отношении мужчины, сделавшего ей настолько непристойное предложение? Предложение, основанное на застарелых мстительных чувствах...

– Нет, – сказала она. – Идея пойти к нему появилась у меня. Кроме того, давнее знакомство у него со мной.

– Ладно, – уступила Аландра, – тогда скажи, как ты относишься к предложению Рэмсея?

Ее сердце подпрыгнуло в груди, по телу побежало предательское тепло. Боже, неужели Чейз ей действительно нравится? Больше, чем случайно мелькнувший в толпе привлекательный мужчина?

Куда заведут ее подобные мысли? Неужто она и впрямь готова согласиться на его предложение. Стать его любовницей?

Она никогда не была ничьей любовницей, не имела отношений, основанных исключительно на сексе. Конечно, она встречалась с мужчинами, а с некоторыми и ложилась в постель, но эти отношения всегда развивались медленно и подразумевали наличие других вещей – дружбы, взаимного влечения, одинаковых интересов.

Чейза она не интересовала как личность, и вряд ли у них имелось что-то общее. Ну разве интерес к отцовской компании. Она требовалась ему лишь по двум причинам – чтобы хорошо выглядеть рядом с ним на деловых переговорах и удовлетворять его в постели.

И тем не менее идея с каждой минутой становилась для нее все привлекательнее.

Стиснув руку Аландры, она почувствовала, как глаза наливаются слезами.

– Это ужасно, что я подумываю согласиться? И не только чтобы помочь папе?

Аландра сочувственно хмыкнула и заправила ей за ухо выбившийся локон.

– Конечно, нет. Тебе позволительно думать, что парень хорош, и желать переспать с ним без других побудительных причин. Я заволновалась бы, если бы ты считала, что Чейз Рэмсей – урод, но готова была бы пожертвовать собой ради SRS. Немаловажно, конечно, как ты будешь чувствовать себя впоследствии. Собираешься ли отнестись ко всему, как к ничему не значащему приключению, или будешь мучиться виной и стыдом?

Сестра права, но Елена знала, что не будет принимать решение сегодня. У нее еще два дня до отъезда Чейза в Лас-Вегас, время на раздумья еще есть.

* * *

Чейзу хотелось бы сказать, что ему безразлично, появится ли Елена сегодня. Но, если честно, он приехал в аэропорт на час раньше, чем обычно, просто на всякий случай.

Выбрал кресло, из которого был хороший обзор всего по-

мещения, чтобы не пропустить никого из проходящих мимо.

Просто на всякий случай.

Вытащив свой ноутбук, он попытался работать. Вначале удостоверившись, что поверх компьютера все вокруг хорошо видно.

Просто на всякий случай.

Частично ему хотелось, чтобы она не согласилась на его предложение. Оно было совершенно спонтанным, опрометчивым, и он все еще не мог себя понять.

Возможно, ему всегда хотелось немного сбить с нее спесь. Возможно, потому, что в тот день ему стало ясно, что она уже не та высокородная и могущественная принцесса, какой была в школе, опекаемая папочкой, достаточно богатым, чтобы купить не только землю, принадлежащую семье Чейза, но и участки всех их соседей.

А может, потому, что хотя его здравый смысл и все инстинкты требовали держаться от нее подальше и не поддаваться обаянию сверкающих изумрудных глаз, он все равно желал ее.

Последние несколько дней он не переставал бранить себя за то, что позволил своему либидо сыграть с ним такую шутку, да еще в вопросе, касающемся бизнеса. Он давно вышел из подросткового возраста и считал, что способен игнорировать и обуздывать собственную похоть.

К сожалению, одного вида ее длинных черных волос, оливковой кожи и полных, зовущих к поцелуям губ оказа-

лось достаточно, чтобы весь его здравый смысл улетучился.

При одном воспоминании о ее изящной фигуре и запахе тело его напряглось. Он беспокойно поерзал в неудобном кресле и попытался сосредоточиться на экране лежащего на коленях компьютера.

Секундой позже краем глаза он заметил, что кто-то остановился рядом. Он поднял глаза и обнаружил стоявшую рядом Елену. Сердце ухнуло куда-то вниз. От удивления и сексуального желания, конечно. Иных причин нет.

Он медленно захлопнул ноутбук, отставил его в сторону и минуту молчал, глядя на нее.

Затем слабо улыбнулся, пересилив потребность сглотнуть застрявший в горле комок, и похлопал по пустому сиденью рядом с собой.

– Вы здесь. Должен признаться, я удивлен.

– Вы не оставили мне выбора. Или это, или наблюдать, как отец теряет свой бизнес без всякого шанса на спасение.

Хотя ее маленькая речь была полна драматизма, он отказывался чувствовать себя виноватым. Она уже вполне взрослая девочка, способная принимать собственные решения.

Абсолютная правда: он загнал ее в угол, предложив не совсем обычную сделку, но правда и то, что любого другого выпроводили бы из его кабинета с твердым "нет". Ему ли не знать, как добиться своего с минимумом усилий.

– Отлично, будем надеяться, что ваша жертва не напрасна. – Вынув из кейса сотовый телефон, он набрал номер сво-

ей конторы.

Трубку взяла его персональная секретарша.

– Нэнси, сделайте мне одолжение, приостановите все операции с компанией "Санчез". Мне хочется обдумать некоторые нюансы этого дела. Спасибо.

– Ну вот, – сказал он Елене, повернувшись, чтобы видеть ее лицо и положив руку на спинку ее кресла, – что бы ваш отец ни собирался предпринять для вытаскивания своей компании из ямы, у него теперь есть для этого время.

Взяв пиджак, он вытащил из кармана два билета первого класса до Лас-Вегаса и протянул ей один. На нем было отпечатано ее имя.

– Вы, верно, ничуть не сомневались, что я приеду, раз купили мне билет.

Он пожал плечами.

– Просчитанный риск. Как бы я выглядел, если бы вы появились, а билета у меня не было? Но билет без числа, так что я мог бы использовать его для другой поездки позднее.

По ее лицу пробежала тень улыбки. Она подняла на него зеленые глаза и надменно сказала:

– Вы на редкость нахальны. Или все еще недостаточно уверены в себе?

"Только когда рядом Елена Санчез, – подумал Чейз кисло. – Она – единственная, кто имеет способность заставить меня ощутить себя неловким подростком. Но на этой неделе я исцелюсь... или умру".

А вслух сказал:

– Ничего подобного. Прошло очень много времени с тех пор, как я учился в школе.

И понял, что удар попал в цель, когда она нахмурилась и отвернулась.

Несколько мгновений прошло в молчании, пока Чейз отдышался и решил, что не стоит настраивать против себя женщину, которую собирается соблазнить сразу после приземления в Лас-Вегасе.

Он не обманывался относительно ее согласия спать с ним, считая дело решенным. Да, Елена здесь, что подтверждает ее намерения. Но если она в последнюю минуту переменит решение или останется холодна, он не станет принуждать ее. Он никогда не принуждал женщин и не намерен был начинать с Елены Санчез.

Конечно, она этого не знает. По ее мнению, этот полет в Лас-Вегас означает, что путь назад отрезан, и он намерен был поддерживать ее в этом заблуждении сколько получится, надеясь, что все пойдет так, как в его фантазиях.

– Успокойся, Елена. – Он коснулся ее руки. – У нас целая неделя, чтобы узнать друг друга получше. И я обещаю не набрасываться на тебя, пока мы не окажемся в гостинице.

Глава 3

Короткий полет в Неваду был вполне удобным и не отмеченным никакими событиями. Чейз держал слово, за все это время не коснувшись ее и поддерживая разговор на общие темы.

Но нервы ее все равно были на пределе. А по мере приближения к гостинице тревога росла.

Он сказал, что не будет "набрасываться", пока они не окажутся в гостинице. Это значит, как только они войдут в коридор? Или начнет приставать к ней в лифте, или когда они зайдут в номер?

Она знала, что мыслит нелогично. За все время ее знакомства с Чейзом он не сделал ничего импульсивного. По какой-то причине она не могла представить его во власти необузданной похоти, которая заставила бы его зажать ее в углу коридора или оскорбить публичной демонстрацией их отношений. Скорее он даже излишне сдержанный человек.

Не то чтобы эти соображения сдерживали ее страхи, подстегивавшие воображение. Тело ее было как натянутая струна, ожидая момента, когда он коснется ее, поцелует, потребует осуществления условия сделки.

Она проклинала сладкое предвкушение, растущее в ней. И себя – за то, что желает его вместо того, чтобы презирать.

Просторная черная машина встретила их в аэропорту и

доставила прямым в гостиницу. "Винн" – одна из самых шикарных гостиниц, с мраморными полами, роскошными люстрами и великолепием позолоты и темного полированного дерева. Сбоку располагалось казино, хотя ясно было, что оно предназначено скорее для богатых посетителей из города, а также тех, кто явился сюда на выходные предаться веселью и разврату.

Впрочем, владельцы гостиницы не могли не догадываться, что и солидные постояльцы не меньше интересуются развратом, чем их менее обеспеченные собратья, только лучше скрывают свои намерения.

Коридорный в красно-коричневой униформе с золотым кантом провел Чейза и Елену в их номер. Он открыл дверь, впустил их внутрь, внес багаж.

Номер состоял из просторной гостиной, кухоньки, ванной комнаты, а через спальню можно было попасть во вторую, более уединенную ванную.

Елена выросла среди богатства и повидала достаточно разных дорогих гостиниц, но даже она нашла здешнюю роскошь ошеломляющей.

В центре спальни находилась громадная кровать, окруженная шкафчиками с витиеватой резьбой. Зеркальная стена скрывала длинный встроенный шкаф для одежды. В ванной – душ и отдельное, глубокое джакузи. И то, и другое достаточно большие, чтобы вместить трех-четыре человека.

Она стояла у дверей, восхищаясь оборудованием, достой-

ным хорошего курорта, когда Чейз подошел сзади и прошептал в ухо:

– У нас больше часа до того, как потребуется спускаться к обеду. Не хочешь подремать, разобрать вещи или... еще чего-нибудь?

Хотя он и не притронулся к ней, его голос вливался в нее, как теплый мед, а от скрытого намека внутри стал разгораться пожар. Она начала задыхаться и несколько раз моргнула, чтобы подавить внезапный приступ головокружения.

Она не готова. Пока нет. Понятно, что придет время, когда тянуть больше будет нельзя, но сейчас он предоставил ей возможность выбора, и она ухватилась за него, как утопающий за соломинку.

– Думаю, следует распаковать вещи, – сказала она излишне громко и весело и прошла вперед, пока он не начал протестовать или – того хуже – не попытался остановить ее.

Не ожидая ответа, она поспешила к вещам и подняла свой чемодан на кровать. Сбоку была специальная полка для багажа, но Елена решила, что если постель будет покрыта одеждой и тому подобным, то ее не удастся использовать для... чего-нибудь другого.

Не вымолвив ни слова, Чейз присоединился к ней, и они в молчании начали вынимать вещи, рассовывая их по шкафам и тумбочкам, суетясь у шкафчиков над раковинами в ванной.

Когда они закончили, Чейз предложил приготовиться к

обеду и вежливо оставил ее одну переодеваться. Она неторопливо причесалась и надела макияж, надела заранее выбранное платье, зная, что ему тоже понадобится время, чтобы подготовиться.

Войдя в гостиную, она обнаружила Чейза стоящим у окна и наблюдающим за городской суматохой внизу. Хотя толстый ковер и поглощал звук шагов, он, казалось, почувствовал ее присутствие и повернулся.

При виде ее глаза его потеплели, на губах мелькнула улыбка. Он оглядел ее с ног до головы – волосы, свернутые узлом на затылке, ярко-голубое платье без бретелек, подчеркивающее фигуру и оставляющее ноги соблазнительно открытыми. Она слегка вздрогнула под его пристальным взглядом, поигрывая сапфировым кулоном у горла. От его откровенного разглядывания ей стало неловко.

Он шагнул вперед, все так же не отрывая от нее взгляда.

– Очаровательна, – пробормотал он, проходя мимо и позаботившись сохранить между их телами минимум пространства, отчего ее кожа загорелась от предвкушения. Но он не прикоснулся к ней.

– Я недолго, – добавил он, исчезая в спальне и закрывая за собой дверь.

Елена должна была признать, что обед прошел вполне мило и не принес никаких дополнительных стрессов. Чейз представил ее своим деловым партнерам просто по имени, без дальнейших пояснений, не называя ни своей девушкой,

ни любовницей. Она изредка перебрасывалась парой слов с другими женщинами за столом, по большей части помалкивая и позволяя ему вести свои переговоры.

Однажды он пригласил ее танцевать, удерживая совсем близко от себя, пока оркестр играл медленную романтическую мелодию. Пара бокалов вина и размягчающая атмосфера вечера способствовали тому, что она не противилась его близости, впитывая тепло пальцев, касающихся спины.

Она не забыла их соглашения и причины, по которой оказалась здесь – помочь отцу и стать любовницей Чейза, но поскольку не видела способа уйти от неизбежного, то позволила себе расслабиться и жить настоящим, не мучаясь проблемами будущего.

Распознавшись со всеми, они прошли по коридору к лифтам, постепенно замедляя шаги. Он обнимал ее за талию, прижимая все крепче.

– Ты произвела фурор, – сказал Чейз, когда они оказались в пустой кабине лифта. – Финкleshтейн и Роджер просто в восторге. И думаю, их женам тоже было комфортней оттого, что за столом еще одна женщина. Мой холостой статус обычно не дает им покоя – они вечно обсуждают, кого из знакомых дам можно пригласить для меня.

Елена слабо улыбнулась, но не ответила.

– Взять тебя с собой – определенно удачная мысль.

Лифт остановился на их этаже, он открыл дверь номера и пропустил ее вперед.

Уходя, они оставили гореть настенный светильник, и сейчас комната купалась в бледном желтом свете. Задернутые занавески не давали неоновым вспышкам реклам пробиться внутрь.

– Не хочешь чего-нибудь выпить?

Елена повернула голову и, обнаружив, что он собирается выйти в кухню, покачала головой.

– Я и так выпила слишком много за обедом. Еще немного, и я отключусь и просплю всю неделю.

– Не позволим, – ответил Чейз вибрирующим на низких тонах голосом.

Придвинувшись ближе, он провел кончиками пальцев по ее обнаженным рукам. По ее коже поползли мурашки. Встретившись с ним взглядом, она нервно сглотнула, стараясь сдержать дрожь.

Он нащупал ее запястье, расстегнул золотые часы, отложил их на столик. Потом начал одно за другим снимать с пальцев кольца, складывая во все увеличивающуюся кучку. За кольцами последовали сережки и ожерелье.

– Я уже говорил, как ты сегодня прекрасна?

К собственному ужасу, единственным откликом, на который она оказалась способна, был невнятный полузадушенный звук. Чейз усмехнулся, его синие глаза предвещали бую, мерцая дьявольским огнем.

Его руки поднялись к ее волосам, и медленно, одну за одной, он начал вынимать шпильки, удерживающие прическу.

Закончив, он зарылся пальцами в волосы, потом позволил им упасть, рассыпавшись, вниз. Секундой позже она ощутила, что он тянет за молнию ее платья, и через секунду материя соскользнула, открывая тело.

Она не сопротивлялась, не стала подхватывать одежду раньше, чем она упадет на пол. Просто стояла, позволяя ему раздевать себя.

Он слегка отклонился назад, на какой-то миллиметр, позволивший ему оглядеть ее полностью.

– Прекрасна.

– Идея моей сестры. – Слова вырвались неосознанно, ответом на них стала быстрая улыбка.

– Какая?

– Относительно пояса и чулок. Она сказала – они сексуальнее колготок, и ты оценишь разницу.

Его улыбка ширилась, взгляд ласкал бедра и ноги.

– Твоя сестра права. Напомни мне послать ей по приезду благодарственное письмо. Вместе с конфетами или цветами.

Елена покорно кивнула, внезапно совсем ослабев. Положив одну руку ей на бедро, а другой поглаживая руку, Чейз склонился к самому ее уху.

– Скажи мне, Елена, – прошептал он, – ты ляжешь в постель со мной? Сейчас? Этой ночью?

Ее глаза закрылись, веки отяжелели настолько, что не поднять. Если б она знала, что он так на нее подействует, то, скорее всего, не приехала бы. Он слишком красив, слишком

обаятелен и явно имеет над ней слишком много власти. Вла- сти, способной довести ее до слабости в коленях и лишить чувств. Власти, заставляющей желать близости с человеком, едва знакомым. Не только желать, но почти умолять о его прикосновениях.

Он знает, что она готова отдаться ему. И все равно спра- шивает разрешения и ждет ответа.

Она столько мучилась, раздумывая, ехать ли с ним, а ре- шиться лечь с ним в постель оказалось удивительно легко. Она хочет Чейза – и независимо от причин его интереса к ней может дать единственный ответ.

Ее ресницы дрогнули, она открыла глаза и совсем близко увидела его внимательное, напряженное лицо.

– Да, – сказала она наконец.

И почувствовала, как напряжение ушло из его тела, уви- дела, как пропали морщинки на лице. Не успела она произ- нести еще хоть слово, Чейз сгреб ее в объятия и, широко ша- гая, понес в спальню.

Там он положил ее на застланную постель и задержался, чтобы самому освободиться от одежды. Приподнявшись на локтях, она следила, как он скидывает туфли, сбрасывает пи- джак, галстук, отстегивает запонки на рубашке. Он подошел к ней во всем великолепии своей наготы, такой впечатляю- щей, что у нее пересохло во рту.

Присев на край постели, он открыл шкафчик и, достав от- туда упаковку презервативов, положил на крайнюю подуш-

ку в пределах досягаемости. Затем обратил все внимание на нее. Желание, свернувшееся у нее внизу живота, начало расти, наполняя ее собой.

Наклонившись, он потеревил зубами ее нижнюю губу, прикусил. Она приоткрыла губы, желая большего, всего. И он не обманул ее ожиданий, накрыв губами ее рот, прижавшись к ней всем телом, и прервал поцелуй, лишь когда она уже думала, что сейчас задохнется.

А Чейз тем временем, подхватив за талию, переложил ее чуть ближе к центру кровати. Потянувшись к ее согнутым коленям, он провел шершавой ладонью по бедру. Его пальцы обнаружили одну из застежек пояса и ловко расстегнули ее. Отпущенная резинка отскочила и ударилась о нежную кожу ее живота. Елена вздрогнула. Чейз хмыкнул и, прикрыв место удара ладонью, нежно потер.

– Прости, я не привык к поясам. Следующий раз буду осторожнее.

Верный слову, вторую застежку он расстегнул с великими предосторожностями.

Когда он начал скатывать шелковистые чулки вниз, Елена почти пожелала, чтобы он ударил ее еще раз. Крохотная, едва заметная боль была гораздо предпочтительнее медленной агонии, с которой пробуждался к жизни монстр похоти, поселившийся между бедрами. Клыки и когти чудовища раздирали ее изнутри, заставляя дрожать и стонать.

По закипающему, жадному взгляду его глаз она могла ви-

деть, что он точно знает, что делает с ней.

– Терпение, – пробормотал он, снимая ее туфлю, сменяя чулок и прижимаясь поцелуем к обнаженной лодыжке.

Из ее горла вырвался сиплый звук, нечто среднее между досадой и нетерпением. Видимо, этот звук лишь сильнее раззадорил его.

Он переключился на ее другую ногу, повторив с ней то же самое. Пот выступил на ее верхней губе. Наконец он подцепил ее трусики и пояс и, стащив их вниз, откинул в сторону. Потом запустил руки ей за спину и быстро расстегнул бюстгальтер, бросив его к остальным вещам.

– Вот на такое я, наверно, рассчитывал, – сказал Чейз, усаживаясь полюбоваться на свою работу.

Она подавила порыв прикрыть наготу руками или ухватиться за край покрывала, напомнив себе, что сама сделала свой выбор.

Чейз Рэмсей был отнюдь не первым мужчиной, увидевшим ее голой. Кое в чем он, однако, не уступал никому – оказался самым красивым и умелым.

Она не могла припомнить никакого другого мужчину, кто одним своим взглядом заставил ее тело вибрировать от желания.

Если он старается таким образом расквитаться с ней за прошлое, то она только "за". Она готова была протянуть к нему руки и возопить: "Возьми меня. Используй меня. Заставь меня платить". Его понятие о мести соответствовало

ее представлению о полнейшем экстазе.

Он передвинулся, накрыв собой ее тело, захватывая губы медленным, размягчающим кости поцелуем. Его широкая грудь с россыпью темных завитков терлась о ее груди.

Вонзив ногти в его плечи, она приподняла бедра, стараясь прижаться ближе, побуждая его скользнуть внутрь, туда, где он был нужен ей более всего.

Но задуманные им изощренные пытки еще не кончились. Отпустив ее рот, он прошелся губами по подбородку, шее, ключице к выпуклости груди. Его язык потеревил сосок, и Елена застонала, выгнувшись вперед. Он продолжал лизать, покусывать, лишать ее разума.

Она запустила пальцы в его волосы, пытаясь оттащить его от себя. С ее губ срывались жалкие всхлипывания, ей казалось, что она сейчас взорвется. Если она проживет достаточно для того, чтобы снова обрести власть над своим телом и мозгом, она насладится ответной сладкой мстью. Чейз поднял голову, на его лице сияла озорная, удовлетворенная усмешка.

– Я бы хотел большего, – произнес он скованным, еще сохраняющим остатки рассудительности тоном. – Хотел бы покрыть тебя поцелуями с ног до головы. Попробовать каждый дюйм твоей кожи. Хотел бы, но не могу. Моего самообладания тут недостаточно. Позднее, хорошо? Я оближу тебя позднее, обещаю.

Одним плавным, мощным движением он вошел в нее, на-

полнив собой. Воздух вырывался через его стиснутые зубы, пока он удерживал себя над ней на весу.

Она знала, что он ждет ее, давая время привыкнуть к его вторжению. Но ей не требовалось времени. Ей нужен был только он. С момента, как он вошел в нее, все стало на свои места. И теперь единственное, чего ей хотелось, – чтобы он двигался, вознесся над бездной и заставил ее парить, не ощущая ничего вокруг.

Если б она подозревала, что секс с Чейзом Рэмсеем будет настолько грандиозным, она разыскала бы его давным-давно... или соблазнила бы еще в школе. Она готова была благодарить его за принуждение лечь с ним в постель, потому что положение его любовницы обещало невиданные наслаждения.

Он со стоном откатился в сторону. Прохладный воздух комнаты оведал ее обнаженное, взмокшее тело, она задрожала. Но секундой позже он откинул покрывало и затащил ее под него. Подсунул ей под голову подушку, обнял за плечи и прижал к себе. Прошептал: "Давай спать" – и поцеловал в макушку.

Она слишком устала, чтобы требовать еще чего-нибудь. Свернувшись рядом с ним, закрыла глаза и провалилась в сон.

Глава 4

На следующее утро Елена проснулась от мягкого позвякивания посуды и восхитительного аромата омлета и свежесваренного кофе. Перевернувшись на спину, она заложила руки за голову и заставила себя открыть глаза.

Комната была погружена во тьму, кровать – такая мягкая и удобная, что не хотелось из нее вылезать. Шелковистая ткань простыни приятно ласкала обнаженную кожу. Внезапно она вспомнила события прошлого вечера, и кровь прилила к лицу. Ей трудно было разобраться, разочарована она или обрадована, что Чейза нет рядом. Иначе можно было бы вновь проделать то же, что и вчера, и на том не остановиться.

Прошлепав по толстому ворсистому ковру, она отыскала в шкафу халат, потом зашла в ванную почистить зубы и сполоснуть лицо перед тем, как двинуться к открытой двери между спальней и гостиной.

Чейз, уже одетый в черно-серый костюм с белой сорочкой, аккуратно причесанный, сидел за круглым столиком у широкого распахнутого окна, попивая горячий кофе и читая утреннюю газету.

Пригладив пальцами растрепавшиеся со сна волосы, она кашлянула и шагнула в комнату.

Он поднял голову, улыбнулся ей навстречу.

– Доброе утро. Хорошо спала?

Она кивнула, присела напротив него и взялась за кофейник.

– Не знал, что ты любишь на завтрак, поэтому заказал всего понемножку, – сказал он ей, указывая на тележку рядом со столиком. Тут были оладьи, омлет, ветчина и широкий выбор свежих фруктов. Все выглядело невероятно аппетитно, поэтому она не стала терять время на раздумья, мигом наполнив свою тарелку. Добавила сахару и сливок к кофе, полила оладьи сиропом.

Затем удивленно взглянула на Чейза:

– А ты не ешь?

– Кофе – все, что мне требуется на завтрак.

Уплетая завтрак рядом с ним за обе щеки, Елена ощутила себя обжорой. Но это соображение вряд ли способно ее остановить, подумала она, откусывая от тающей во рту дыни.

Она помахала вилкой, вновь отрывая его от полосы новостей.

– Знаешь, пропускать завтрак – вредно для здоровья, – сообщила она, отрезая от ветчины маленькие кусочки и кладя их в рот. – Это самый важный прием пищи за день.

Уголок его рта нетерпеливо дернулся, и он немедленно вновь погрузился в изучение прессы.

Некоторое время она ела в молчании, наслаждаясь видом из широкого окна, раз уж ей отказано в общении. Затем схватила вилку, взяла вторую тарелку и наполнила ее небольшими порциями того же, что ела сама.

– Вот, – сказала она, отстраняя газету и ставя тарелку перед ним. – Ты с ума меня сведешь. Ты должен съесть хоть что-то.

Его брови сошлись в недовольной гримасе.

– Мне еда не требуется.

И он попытался снова развернуть перед собой газету. Елена со вздохом привстала и, вырвав газету у него из рук, положила как можно дальше, так, что теперь ему пришлось бы встать и обойти стол, чтобы заполучить ее обратно.

– Хочешь, я тебе почитаю, пока ты ешь? – весело предложила она.

Он начал закипать.

– Елена, – имя ее прозвучало зловеще, – ты тут не для того, чтобы меня опекать и поучать. Мне тридцать пять, и я давно сам могу принимать решения. Отдай мне мою газету.

Она покачала головой.

– Сделай мне приятное. Пожалуйста. Впереди у тебя трудный день, и ночью мы здорово вымотались. Тебе надо набираться сил, иначе ты будешь ни на что не пригоден к ночи.

От собственной храбрости ее щеки порозовели, но она не опустила глаза под его пристальным взглядом. Несколько минут она смотрели друг на друга. Потом он фыркнул и взялся за вилку.

– Отлично. Ты читаешь, я ем. И не волнуйся – у меня еще осталось достаточно энергии на все, что бы ты ни планировала.

Открыв газету, чтобы спрятать все сильнее разгорающийся румянец, она с трудом сглотнула и начала читать там, где, по ее мнению, он прервался. Информация оказалась достаточно скучной, но она мужественно дочитала до последней строки.

– Я переменяю мнение, – сказал он. – С нынешнего дня я буду съедать огромный завтрак из четырех блюд... а чтение оставляю тебе. И буду наслаждаться завораживающими переливами твоего голоса. А может, считаешь мне сегодня на ночь? В постели? Получится соблазнительная прелюдия к сексу.

– У тебя что, имеется какая-нибудь возбуждающая сексуальная литература? – спросила она, удивляясь, что слова произносятся уверенно и даже вроде бы зазывно. И впервые ощутила сексуальный, скрытый призыв своего голоса.

По его взгляду она поняла, что Чейз тоже услышал этот призыв.

– Нет, – отозвался он хрипло. – Но к вечеру я обязательно что-нибудь найду, даже если мне придется обойти все книжные магазины Западного побережья. – Он перевел взгляд на часы. – К сожалению, мне надо идти, иначе я опоздаю на первую сегодняшнюю встречу.

Отодвинув в сторону стул, Чейз поднялся и вынул из кармана бумажник.

– Я буду весь день сегодня занят, так что тебе придется чем-то себя занять. Вот, возьми. – Он подал ей кредитку и

пачку крупных купюр. – Сходи за покупками, пообедай, повеселись. Увидимся около четырех. Будь готова к еще одному вечеру в ресторане, ладно?

Она взяла деньги и кредитку, хоть и без удовольствия. Деньги на то, чтобы "чем-то себя занять", – это заставило ее почувствовать себя дешевкой, компаньонкой на жалованье. Но, видимо, согласие стать чьей-либо любовницей предполагает подобные вещи.

Дверь за ним закрылась, оставив Елену одну в просторном номере. Она поглядела на кредитку в одной руке, на деньги в другой. Надо же, как быстро произошел переход от забавного к огорчительному, подумала она. Но тут не каникулы, – это неделя работы на Чейза, и он выполняет свою часть делового соглашения.

Значит, ей, как хорошей любовнице, следует чем-то занять свой день и подготовиться к вечернему представлению.

* * *

Где ее носит?

Чейз стоял перед зеркалом спальни, поправляя галстук в пятый или шестой раз. Он принял душ, оделся и приготовился к выходу. Дело за малым – сопровождающей дамой.

Он снова посмотрел на часы, хотя делал это всего минуту назад, и пробурчал сдвинутое проклятие.

Она опаздывает почти на час. Ей же было сказано: быть к

четырем, а теперь почти пять.

Должно быть, забылась, транжиря полученные средства. Чего еще ждать от избалованного, эгоистичного создания по имени Елена Санчез?

Нельзя сказать, что она ярко проявила эти качества с момента их встречи в аэропорту. Естественно, полтора дня нельзя считать показательными. Вот, поглядите, получила деньги – и бегаёт теперь, торопясь скупить все магазины. Удивляться нечему. По правде говоря, он нарочно дал ей такую крупную сумму, чтобы доказать – себе, больше никому, – что видит её насквозь. Елена Санчез не изменилась. Так и осталась самовлюбленной, слишком, к несчастью для других, красивой пустышкой, ставящей свои удобства и желания превыше всего.

Напоминание, стоящее потери нескольких тысяч долларов. Но если она не явится в самом скором времени, если вынудит его опоздать на важный ужин, он не только заставит её платить из собственного кармана, но и посадит на обратный самолет и немедленно расправится с компанией её отца.

Чейз снова выругался и собирался в тысячный раз свериться с часами, когда ручка двери повернулась.

– Наконец, – выдохнул он, добавив еще одно проклятие. – Где ты шаталась? – выпалил он, поворачиваясь на каблуках и шагая в другую комнату.

Он ожидал увидеть её улыбающейся во весь рот, с руками, полными пакетов и коробок. Возможно, она захочет по-

казать ему все купленное, может, даже примерить платье или нижнее белье. Он, пожалуй, даже согласится поприсутствовать на показе... попозже, когда они вернутся с ужина, а его омерзительное настроение пройдет.

– Извини, – произнесла она.

Ее простая блузка без рукавов и юбка были помяты, волосы выбились из растрепанного хвоста. Лицо и плечи порозовели под палящим солнцем Лас-Вегаса. И никаких сумок и коробок.

Он недоуменно переступил с ноги на ногу.

Похоже, покупки доставят следом. Чтобы убедиться окончательно, он заглянул за дверь.

Ничего.

Она не выглядела излишне счастливой и возбужденной, как обычно выглядят женщины после прогулок по магазинам.

– Ты опоздала, – упрекнул он, хмурясь оттого, что догадки его не подтвердились.

– Я уже извинилась, – ответила Елена, совершенно не смущенная его обвинительным тоном и грозным выражением лица. – Обещаю, я быстро. – Вынув из волос заколку, она заторопилась в спальню, на ходу расстегивая блузку. – Двадцать минут, не больше.

Двери остались открытыми, и было слышно, как она передвигается. Сбрасывает одежду. Открывает шкафы. Заходит в ванную, выходит обратно, снова в ванную. Дверь закрыва-

ется, шумит душ.

Несмотря на ее обещание, он ожидал, что ей потребуется не меньше часа, чтобы сделать прическу и наложить макияж. Быстрый взгляд на часы показал, что если она провозит час – час, ни минутой позже, – то они все равно успеют вовремя добраться до ресторана. С трудом, но успеют.

Он попытался изгнать образ мокрого, намыленного, обнаженного тела Елены в свободном пространстве душа. Пространстве, достаточно большом, чтобы удобно вместить двоих... в самых невероятных позах. Если б только они не опаздывали так, он мигом присоединился бы к ней для долгого, восхитительного душа – помимо всего прочего.

Опасаясь, что поддастся искушению, если задержится рядом с ней, он повернулся спиной к двери. Худо и то, что остаток вечера ему придется подавлять возбуждение. Но не успел он сделать и шагу, как на глаза ему попались две вещи, лежащие на столике. Его кредитная карточка и пачка денег, которые он тогда дал Елене.

Не тронув карточку, он подобрал деньги, пересчитал. Не хватает всего двадцати одного доллара из нескольких тысяч.

Ничего странного, решил он. Вероятно, она весь день расплачивалась карточкой. А наличные использовала на чай или что-нибудь вроде того.

Вода в ванной перестала течь, и он поспешно положил деньги на место. Не надо, чтобы она видела, как ее проверяют. И поскольку завтра придется снова обеспечивать ее день-

гами, прекрасно можно оставить их там, куда она положила.

Но из простого любопытства...

Он быстро взглянул, запоминая номер на карточке. Затем, плотно прикрыв дверь, прошел к телефону в дальнем углу.

Несколько минут понадобилось, чтобы дозвониться до оператора и удостоверить свою личность. Были ли какие-нибудь изменения на его счету за сегодня и на какую сумму?

Он поблагодарил женщину на том конце провода и положил трубку. Глубокая морщина прорезала его лоб.

Никаких. Никаких изменений. Его баланс тот же, что и раньше, последняя покупка – та, что он сделал сам.

Есть отчего смутиться. Она провела весь день, предположительно гуляя по магазинам, и потратила не больше тридцати долларов.

А если не занималась покупками, то где тогда была?

Не успел он составить список вариантов, как открылась дверь спальни, пропустив Елену, выглядящую как картинка с выставки. Волосы уложены в искусную прическу. Длинное черное платье поблескивает в свете люстры. Минимум украшений – пара колец, серебряные серьги и тоненькая серебряная цепочка под стать браслету на запястье, – ну и туфли на трехдюймовых шпильках.

– Двадцать минут, как обещано, – сказала она, делая небольшой пируэт.

Наряд демонстрировал все ее женские прелести так, словно она была совершенно раздета. Ему захотелось втащить ее

обратно в спальню, туда, где ее не смог бы увидеть никто, кроме него.

– Ну, что думаешь?

Он думал о многом, не предназначенном для стыдливых ушей и милой застольной беседы. Вот после ужина... там другое дело.

– Хорошо. Хорошо. Ты выглядишь хорошо. – Язык едва ворочался во рту. Чейз осознал, что не блистает красноречием, но радовался уже тому, что вообще способен говорить.

Выигрывая несколько столь важных для него мгновений, он откашлялся и посмотрел на часы. Елена права: ей потребовалось чуть больше двадцати минут на приготовления с момента, как она исчезла в спальне... двадцать пять, учитывая время, что он потратил, стоя перед ней столбом.

– Отлично. Тогда... – Он поправил запонки, галстук и, сумев сдвинуться с места, предложил ей руку. – Отправляемся?

Она кивнула. Он заметил висящую на ее локте шаль, взял ее и накинул ей на плечи.

– Ты выглядишь потрясающе, – несколько запоздало нашел он подходящее слово.

– Спасибо.

Он придержал для нее дверь, затем снова положил ее руку себе на локоть и повел ее к лифту. Их отражение мерцало на полированных дверях, и он не мог не отметить, как прекрасно она смотрится с ним рядом.

Предлагая ей заключить договор, он знал, что она красива, – надо быть слепым, чтобы не оценить ее внешность. Одного голоса достаточно, одной манеры держать себя.

Он знал и то, что Елена произвела хорошее впечатление на его партнеров. Она была веселой и обаятельной и понимала, когда можно вставить несколько слов, а когда помолчать. Нет спору, она легко справлялась с заданной ролью.

На что он не рассчитывал, так это на силу ее притягательности.

Красивые женщины не были проблемой для Чейза Рэмсея. Его богатство делало его неотразимым даже для них.

И он не упускал представляющихся возможностей. Кто-то мог бы сказать, что он использует их, приглашая сопровождать его, если ему требовалась пара для какого-нибудь события, а после укладывая в свою постель – место, куда они охотно позволяли себя заманить.

Он мог бы заметить, что польза обычно обоюдная. Они хотели быть с ним из-за его денег, хотели, чтоб их видели вместе, из-за имеющихся у него власти и престижа.

Надо сказать, большинство из них надеялось поймать себе богатого мужа.

На Елену же его богатство не производило никакого впечатления. Конечно, ее семья имела собственные средства, но у его прошлых подружек семьи тоже были не бедные. Что не удерживало их от выманивания и получения богатых подарков. Да они завизжали бы от радости, дай он им возможность

воспользоваться его золотой кредитной карточкой хоть на день.

Елена не торчала бесконечно в ванной или перед зеркалом. И если она готова, значит – готова. Именно ее уравновешенность, молчаливое спокойствие покоряли его не меньше, чем прелестное тело и страстная натура.

Кроме того, она была полна таинственности. Она никогда не делала того, чего он от нее ожидал, не реагировала так, как он предполагал.

И не потратила ни единого цента с его карточки, что бесило его невероятно. Он желал знать, где она была весь день, чем занималась.

Ему это просто необходимо.

– Итак, – пробормотал он, когда двери лифта разъехались и они шагнули внутрь, – где ты сегодня была?

Глава 5

Елена прикрыла ладошкой зевок. День был длинным, и внезапно она почувствовала груз каждой его минуты. Да и два коктейля, выпитые за ужином, тоже тут поспособствовали.

– Засыпаешь? – спросил Чейз, отводя с ее лица выбившийся локон.

Она слегка улыбнулась, оперлась о его руку, пока они поднимались вверх на том же лифте, который пять часов назад вез их вниз.

Странно, как комфортно она чувствует себя с ним после такого недолгого знакомства. Ей думалось, что их отношения будут холодными, деловыми. Функциональными.

Но нет – они обращались друг с другом тепло, дружески. Это нравилось ей и беспокоило ее – оттого, что нравилось уж слишком.

– Немного устала, – ответила она.

– Должно быть, у тебя был тяжелый день.

Уже не впервые он пытался выведать, как она провела его. Но до сих пор Елена уклонялась от прямого ответа. Нельзя сказать, что тут скрывалась особая тайна, просто ей не хотелось откровенничать.

Он обеспечил ее деньгами и сам просил чем-нибудь себя занять. Она и заняла – потратив при этом порядка тридцать

цати долларов из полученной суммы. А поскольку платить ему пришлось только за недолгую поездку в такси да салат, съеденный за обедом, она не считала себя обязанной отчитываться.

Когда стало очевидно, что она не собирается отвечать, Чейз временно отступил.

– Вот вернемся в номер, я помогу тебе раздеться и уложу в постель.

– Только спать? – поддразнила она.

– Только спать, – подтвердил он. А затем с озорным огоньком в глазах добавил: – Если ты не интересуешься ничем другим.

Тепло начало расплзаться по ее телу. Вот что удивительно во всей ситуации: занятия любовью с Чейзом не воспринимаются как докучная обязанность, на которую она соглашается, чтобы помочь отцу. Ей нравится быть с ним, она предвкушает очередную ночь в его объятиях.

– А ты что думаешь? – спросила она, когда двери лифта раздвинулись и они шагнули в коридор. Вся ее сонливость быстро трансформировалась в возбуждение и предвкушение.

– Право, не знаю, – протянул он, переплетая свои пальцы с ее. – Сегодня мы не брали десерт, так, может, заказать что-нибудь в номер?

Они остановились у дверей.

– Клубника и шампанское? – предложил он, открывая ей

двери. – Я мог бы слизывать сок с твоего подбородка и пить шампанское из твоего пупка. Или растаявшее мороженое. Предполагаю, что шоколадный крем значительно вкуснее, если пробовать его с кожи прекрасной женщины.

Если б она не завелась раньше, образы, созданные им, воспламенили бы ее сейчас. Дрожа, она представляла его язык, путешествующий по ее телу, шоколад и мороженое пополам со страстью.

– Так как? – спросил он, когда она уже прошла половину комнаты. – Десерт или прямо спать?

Обернувшись, она обнаружила, что он стоит, опершись о стену, у закрывшейся двери. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять: просто так уснуть ей не придется. Не скоро.

– Хочу немедленно лечь, – сказала она с притворным зевком. Вынимая шпильки из волос, она заметила, как исчезает уверенность с его лица, из позы. Его реакция рассмешила ее. Тряхнув головой, отчего длинные пряди волос рассыпались по плечам, она добавила: – С клубникой, шампанским и мороженым.

Повернувшись на каблуках, она двинулась в спальню, но не раньше, чем увидела его широкую хищную ухмылку. Ее бы не удивило, если б он оттолкнулся от стены и бросился на нее, подобно дикому зверю. Частично ей даже хотелось этого.

Они упали бы на пол прямо тут, его тяжесть пригвоздила

бы ее к полу. Одежда разлеталась бы в стороны, разорванная в клочки. Руки, губы... Они лихорадочно искали бы путь друг к другу, жадно, неистово, царапая спины ворсом ковра.

Затая того стоила.

Она всхлипнула, влага сочилась у нее между ног, колени ослабели. Прикусив губу, она раздумывала, как можно подтолкнуть его к таким действиям. Ничего подходящего в голову не приходило. Не так просто соблазнить привлекательных мужчин, тем более подбивать их чуть не к насилию.

Поэтому она просто подняла руки и отстегнула единственную бретельку своего платья. Теперь лишь рука у груди удерживала платье.

– Принеси все в спальню, когда будет готово, ладно? – И не дожидаясь ответа, ушла в другую комнату и закрыла за собой дверь.

Ее сердце бешено стучало. Раньше она лишь уступала его натиску, сейчас сама перейдет в наступление.

И теперь следует соответствовать принятому образу. Со скоростью молнии она металась по комнате, раздеваясь. Скинула туфли с такой силой, что они разлетелись в разные стороны. Платье упало на пол, и Елена забросила его в шкаф. Негоже так обращаться с дорогостоящей дизайнерской моделью, но сейчас ей не до того.

В ванной она избавилась от пояса и, скатав с ног черные чулки, оставила их лежать там же на полу, вместе с черными трусиками.

Обнаженная, она встала у раковины перед громадным, во всю стену, зеркалом и быстро почистила зубы, умылась, причесалась. Капнула немного духов за ухо и поспешила лечь в постель.

Забравшись под покрывало, подоткнула под себя подушки и попыталась принять сексуальную заманчивую позу. Мэрилин Монро, Джейн Рассел, Анна Николь Смит... она вспоминала известных своей притягательностью див, стараясь перенять их обаяние. Спустила простыню до талии, прикрыла грудь, снова откинула. Наклонила колени влево, потом вправо. Закинула руки за голову, раскинулась по кровати.

Заметив, что ручка двери поворачивается, она пискнула и застыла в лучшей из позиций, придуманных за последние минуты. Попробовала расслабить мускулы лица, прикрыла глаза, надеясь, что он не заметит, как она нервничает. Хорошо бы он подумал, что она просто нежится в постели, ожидая, пока ее обслужат.

Дверь спальни отворилась. Чейз вошел, толкая перед собой столик на колесиках. На сей раз тут были чаша с клубникой, бутылка шампанского в ведерке со льдом и уже начинающее подтаивать мороженое.

Чейз повернулся и медленно оглядел ее. По тому, как затвердела его челюсть и вспыхнули синие глаза, она поняла, что он вроде доволен увиденным.

Ее пробрала дрожь, она села, притворяясь сонной и вялой.
– Хм, выглядит мило.

– Да, – он так и ел ее глазами. – Очень мило.

После нескольких напряженных минут, когда ей казалось, что он сейчас забудет еду и просто набросится на нее, он взял бутылку, вытер салфеткой доньшко, открыл. Разлил шампанское по бокалам, один подал ей вместе с чашей с клубникой.

Взяв крупную ярко-красную ягоду, она вонзила в нее зубы.

– Вкусно? – спросил он.

– Восхитительно.

Сделав большой глоток шампанского, он отставил свой бокал и чашу с клубникой в сторону и начал раздеваться. Пиджак, галстук, туфли... все исчезало, словно испарялось на глазах.

Раздевшись полностью, он обернулся к столику, подхватил мороженое и ложку и забрался на кровать рядом с Еленой.

– Вот по чему я изголодался.

Он бережно опустил ее, пока голова не легла на подушки. Не успела она устроиться поудобнее или спросить, что он собирается делать дальше, как капля мороженого упала прямо ей в пупок. От неожиданности она взвизгнула и едва не выпрыгнула из постели. Но мерцающий жар его глаз и прищелкивание языком напомнили ей о затеянной ими игре.

Глубоко вздохнув, она расслабилась, зарываясь поглубже в подушки и позволяя ему делать что угодно с ее обнажен-

НЫМ ТЕЛОМ.

Он усмехнулся – блеск белоснежных зубов возвестил о принятии ее капитуляции – и снова набрал ложку мороженого.

Потребовалась вся ее собранность, чтобы не выгибаться и не дрожать, пока он украшал ее соски, каплю за каплей наносил на грудь, живот и бедра. Взяв за черешок вишню, поместил ее поверх мороженого на животе и, оглядев творение своих рук, заметил:

– Идеально.

Елена хмыкнула. Тающее мороженое начинало протекать сквозь ее плотно сжатые ноги, туда, где Елене хотелось бы ощущать лишь тепло – желательное привнесенное Чейзом.

– Холодно.

– Давай посмотрим, чем я могу помочь.

Наклонившись, он подобрал языком кусочек шоколада, губами провел по груди. Ее тело загорелось под слоем холодного десерта. Выгнувшись вперед, она протянула руки к Чейзу.

– Нет, нет, нет, – предупредил он, не отрывая губ от ее кожи. – Тебе дотрагиваться запрещено. Пока нельзя. – Его пальцы сомкнулись вокруг ее кистей, завели руки за голову. – Лежи смирно. Получай удовольствие.

Легче сказать, чем сделать, подумала она. В настоящий момент его идея получения удовольствия граничила с пытками – а ведь это только начало.

Он облизал ее грудь короткими движениями, как котенок, лакающий молоко. Елена крепко прикусила нижнюю губу, чтобы не закричать, когда он перешел ко второй груди. На сей раз он издал хищный рык и разом вобрал в рот весь сок. Никакого плавного перехода, чтобы продлить агонию, но оттого удовольствие не стало меньше.

Ее руки вцепились в подушку, пятки вжались в матрас. Все внутренние мускулы сжались, моля о развязке.

– Чейз, пожалуйста...

– Скоро, – прошептал он, спускаясь к животу и губами подбирая на пути растекающееся мороженое. – Очень скоро.

Наклонившись еще ниже, он подsunул руки под ее бедра, раздвинул ноги и начал вылизывать между ними.

– Нет. Довольно, – прошептала она, закрывая глаза. – Больше я не вынесу.

– Еще как вынесешь.

С жестокой улыбкой Чейз вскинул голову и, поднявшись над ней на четвереньки, начал продвигаться вперед, остановившись, лишь чтобы взять в зубы черешок вишни, все еще лежавшей у нее на животе.

– Открой рот. – Его слова звучали приглушенно, потому что он не выпускал вишню из губ.

С изнеможенным вздохом она повиновалась, позволив ему положить вишню себе в рот.

– Теперь закрой. Жуй.

Вишни мараскин всегда ей нравились, она удовлетворен-

но застонала, ощутив во рту терпкий, приятный вкус.

Севшим голосом Чейз сказал:

– Теперь снова открывай рот. – И прильнул губами к ее губам, целуя ее глубоко, страстно, умело. Затем, слегка откинувшись назад, сообщил ей с усмешкой: – Это было лучшее мороженое, что я пробовал. Теперь мне никогда не захочется есть его ложкой.

Елена вся трепетала. Неизвестно, способна ли она пережить еще одно подобное испытание, но в чем совершенно уверена – она всегда будет теперь смотреть на мороженое по-другому. Не сможет его видеть, не вспоминая эту ночь и все то, что проделывал Чейз при помощи мороженого, шоколада и своего языка.

– Но мы еще не закончили, – сказал он.

Удобнее устроившись между ее бедрами, он одним быстрым движением проник в нее до самого дна.

Она уже была влажной и готовой к его приходу. Лишь мгновение назад ей казалось, что она вымотана напрочь. Но она недооценила способности Чейза придавать ей новые силы.

Он был безжалостен. Никакой медлительности теперь, никакого поддразнивания. Он наполнил ее до конца и начал равномерно двигаться. Его пальцы впивались в плоть ее ягодиц, грудь вздымалась и опадала. Она обвила ноги вокруг его талии, царапая ногтями спину.

– Чейз, – простонала она.

– Елена, – откликнулся он, прежде чем погрузить лицо в изгиб ее шеи и слегка прикусить плечо.

Обрушившийся на нее оргазм ошеломил ее, комната закружилась вокруг них. Она задохнулась и почти перестала дышать. Чейз сделал над ней еще один, последний толчок и торжествующе вскрикнул.

Секундой позже он рухнул вниз, его вес прижал ее к постели. Не чувствуя никакого дискомфорта, она улыбнулась при виде одолевшей его полной расслабленности. Его сердце громко стучало в унисон с ее сердцем, дыхание поднимало ее волосы.

Скорее, чем ей хотелось бы, Чейз с блаженным стоном скатился с нее. Лежа на спине, раскинув руки и ноги в стороны, он продолжал шумно дышать.

– Ты смерти моей добьешься, Елена. – Мотнувшись, его голова повернулась к ней. – Но я умру счастливым.

Прежде чем она успела ответить, он соскочил с кровати и прошел в ванную, прикрыв за собой дверь. Внезапно, остро осознав собственную кричащую наготу, она поспешила к шкафу за ночной рубашкой. Надела ее, взглянула на свое отражение в зеркале. Щеки покраснелись, кожа горит. Губы опухли.

Никогда ей не приходилось целоваться так, чтобы опухали губы. Ну так она и не целовалась никогда до бесчувствия, полностью отдаваясь страсти.

Волосы перепутались, сбились в клубок. Она попробова-

ла разобрать их пальцами. Тут дверь ванной открылась. Чейз стоял на пороге, бесстыдно голый, опершись руками о дверной проем. От одного его вида ее пульс участился, а шелковистая ткань рубашки показалась слишком грубой, неуместной на пылающей коже.

– Не стоило тебе одеваться из-за меня, – заметил он.

Она нервно улыбнулась, впиваясь пальцами ног в ковер.

– Я не привыкла спать безо всего.

– Плохо, – посетовал он, подходя и останавливаясь напротив нее. – Именно за это я и плачу. Кроме того, мы еще не закончили с десертом.

– Хорошо... – медленно произнесла она, бабочки, порхающие где-то внизу живота, начали бить крыльями сильнее под его прямым взглядом. Взявшись за лямки рубашки, она спустила их по плечам. – Это всего лишь крохотный кусочек атласа. Ты всегда можешь избавиться от него, если хочешь.

Вожделение исказило его лицо.

– Неужели?

Он заменил ее пальцы своими и сам спустил рубашку вниз, по груди, животу, позволив ей упасть к ногам.

– Ну вы только поглядите, – пробормотал он в шутливом изумлении. – Она снова голая. Именно такая, какой мне нравится.

Она вскрикнула от неожиданности, когда Чейз приподнял ее за талию и перекинул через плечо.

– Чейз! Что ты творишь?

– Изображаю пещерного человека, – ответил он невозмутимо.

Подойдя к постели, он снял Елену с плеча и бесцеремонно бросил в центр громадной постели. В руках у него каким-то чудом материализовалась бутылка шампанского.

– На сей раз, – сказал он тоном, не оставляющим сомнений в его намерениях, – я хочу попробовать, какой вкус приобретает шампанское, выпитое из впадины на твоём животе.

– Ладно, – согласилась она, вытягиваясь, готовясь стать частью очередного десерта. – Если только ты разрешишь мне проделать то же самое с тобой.

Глава 6

Следующим утром Чейз встал раньше обычного. Он выскользнул из спальни, пока Елена еще спала. Плотнo закрыл двери, чтобы ничего из сказанного им нельзя было подслушать, и занялся перепланированием своих дел на сегодня. Задача не из легких, учитывая, что большинство встреч были назначены за неделю. К тому же большинство офисов его партнеров еще не открылось.

Но ко времени появления Елены – снова в коротенькой, показывающей ножки ночнушке и зеленом, в тон, халате, подчеркивающим изумруды ее глаз, – его день был свободен. Можно было приводить свои планы в исполнение.

Хотя ему не терпелось к ним приступить, Чейз по мере сил старался вести себя как всегда. Потягивал кофе и читал газету. Когда она напомнила ему о завтраке, он поворчал, но согласился на половину омлета, переложенного ею со своей тарелки.

Часом позже он поднялся и повторил свою вчерашнюю речь, сказав, что будет занят днем, а она может гулять и развлекаться за его счет. И протянул ей ту же кредитную карту и пачку денег, что она оставила на столике накануне.

В холле он сел в лифт и спустился вниз, но вместо того, чтобы покинуть гостиницу, отыскал укромное местечко за игровыми автоматами, откуда можно было следить за выхо-

дом, не обнаруживая себя.

Ждать пришлось дольше, чем он рассчитывал. Понадобилось не меньше часа, чтобы Елена появилась наконец из лифта.

Туфли на невысоких каблуках, свободные брюки и топ с рукавами по локоть. Темные очки на макушке, через плечо – большая коричневая сумка.

Выбравшись из своего укрытия, Чейз последовал за ней, держась в некотором отдалении на случай, если она обернется. На углу она остановилась, опустила очки на глаза, поглядела в обе стороны и пошла дальше.

Чейзу казалось, что они бредут по улице невозможно долго. Тротуары уже были переполнены, туда-сюда сновали туристы, входя и выходя из казино и ресторанов. Пот выступил у Чейза на лбу, просочился сквозь рубашку под дорогим пиджаком.

Ему, выросшему на ранчо в Техасе, не впервой работать на жаре. В Техасе бывает так же жарко, как в Неваде. Пусть он выбрал другой путь и богат теперь, как Крез, но ему до сих пор нравится помогать родителям и брату. Чистить лошадей, ворошить сено, ремонтировать изгороди... Просто для подобного рода работы он не надел бы итальянский костюм стоимостью в целое состояние.

Если Елена не придет наконец к пункту своего назначения, он сдастся и возьмет такси до гостиницы.

Едва он так подумал, как она свернула в магазинчик. Он

остался снаружи, пытаясь рассмотреть ее через громадные зеркальные окна.

Значит, она все же пошла за покупками, подумал он. Странно: торговали тут вроде не одеждой и не обувью. Магазин продавал сласти и игрушки – витрина так и сверкала яркими красками, привлекающими детей.

Какого черта она там забыла? Чейз взгляделся через свои солнечные очки, пытаясь лучше рассмотреть внутренность помещения.

Он видел, как она складывает в корзинку игрушки, как продавщица выбирает для нее конфеты. Когда они закончили, сумка Елены приобрела сходство с мешком Санта-Клауса.

Кассир все просканировал, Елена подала ему кредитную карту. Но поскольку та не была золотой, Чейз понял, что это ее собственная.

Сложив все в сумку, Елена поблагодарила продавщицу и направилась к выходу.

Чейз заметался, спрятался в дверях соседнего магазина. Елена села в такси, и его охватила минутная паника, что он может ее потерять. Поймав другое такси, он ощутил себя гангстером из боевика, приказав водителю: "За той машиной!" Стодолларовая купюра заставила таксиста воздержаться от комментариев. Он лишь изумленно взглянул на Чейза.

Несколькими минутами позже они остановились перед большим серым кирпичным зданием, окруженным высокой

стеной. Из-за угла Чейз наблюдал, как Елена вышла из такси и проскользнула в ворота. Он попросил водителя подождать, а сам поспешил следом за ней.

Ему не пришлось идти далеко. Пройдя ворота, она не стала заходить в здание, а села на красную пластиковую скамью на краю площадки, похожей на школьный двор.

Было видно, как вокруг нее столпились дети самых разных возрастов, а она улыбается, смеется, успевая каждого погладить по голове, по щеке, потрепать за руку.

Что-то екнуло у него внутри от вида ее счастливого лица. Она разговаривала, смеялась, руки непрерывно жестикулировали, потом она полезла в сумку.

Ему потребовалось некоторое время, чтобы сообразить – дети как-то необычно шумят, а оживленные движения Елены не просто побочный эффект ее радостного настроения.

Она разговаривала на языке жестов. Дети, столпившиеся вокруг нее, не слышат. Чейз оглянулся назад и обнаружил на воротах табличку, подтверждающую, что здесь находится школа для глухих. Тем не менее Елена общается с ними так же свободно, как с обычными людьми... может, даже лучше.

Ох, нет, он не желает этого видеть. Не хочет ничего об этом знать.

Он снова обернулся назад, посмотрел на ожидающее его такси, потом снова на Елену.

Дети ее любят, им нравятся привезенные подарки, внимание.

Перед ним – возмутительное доказательство, что Елена совсем не та пустая, бессердечная девчонка, которую он знал двадцать лет назад.

В расстроенных чувствах Чейз вернулся к такси и приказал водителю везти его обратно в гостиницу. Всю дорогу он что-то ворчал себе под нос, окончательно утвердив таксиста во мнении, что в машине сумасшедший.

Его не устраивает видеть Елену в роли милой, заботливой женщины, знающей язык жестов и предпочитающей занятия с детьми шопингу.

Что он скажет ей сегодня вечером? Вряд ли сумеет смотреть на нее теми же глазами, что и утром. Или дотрагиваться до нее, не вспоминая тех детей.

* * *

Прошлый раз Чейз был очень расстроен ее опозданием, и потому Елена решила сегодня вернуться пораньше. Она совсем запарилась и взмокла. Надо успеть принять душ, прежде чем собираться к ужину.

К ее удивлению, номер оказался пуст. Она ожидала застать Чейза за компьютерным столом или в спальне, собирающимся на выход. Прошла по комнатам, окликая его, но никого не было. Он даже не оставил ей записки, где сообщал бы свое местонахождение или когда вернется... Ничего.

Елена поставила сумку в угол, положила очки на кухон-

ный стол и направилась в ванную. Полчаса спустя, обернувшись полотенцем, она вышла из душа, весело напевая и заметив, что Чейз уже в комнате. И вздрогнула, подняв глаза и обнаружив, что он стоит по ту сторону широкой, аккуратно застеленной кровати.

– Боже мой, ты напугал меня, – пояснила она со смешком.

Сердце ее встрепенулось. У него просто нет права выглядеть таким красивым. Она даже начинает привыкать к его пристальному взгляду и не улыбочивому рту.

– Надо было стукнуть в дверь ванной или покричать, чтобы я знала, что ты здесь. – Подойдя к шкафу, она начала открывать и закрывать дверцы, подбирая белье. – Я не долго. Сейчас буду готова.

– Не беспокойся.

Его слова, холодность тона удивили ее. Она прекратила суетиться, выпрямилась, на пальцах повисли кружевные трусики.

– Что такое? – спросила она, убеждая себя не быть мнительной.

Чейз Рэмсей не отличается особым добродушием. Вполне возможно, что встреча у него прошла не слишком удачно и теперь он вымещает на ней свое дурное настроение.

– Мы же идем на ужин, так? Разве ты не хочешь, чтобы я разоделась в пух и прах и произвела неотразимое впечатление на твоих партнеров? – Усмехнувшись, она соблазнительно качнула бедрами.

Его выражение не изменилось. Он все равно выглядел так, словно проглотил что-то несвежее.

– У меня будет деловой ужин, – наконец проговорил он так, словно вылил на нее ковш ледяной воды. – А твое присутствие не требуется. – Он обошел кровать, держась от нее на приличной дистанции. – Я вернусь через несколько часов.

Она осталась стоять там, где была, пораженная его заявлением и резким уходом. Из другой комнаты раздался звук отворяющейся и закрывающейся двери – признак того, что она осталась одна.

Почему вдруг Чейз решил не брать ее с собой, если изначальной причиной ее поездки были как раз такие ужины?

Что с ним? Он может быть жестким человеком, отстраненным, а подчас жестоким. По крайней мере с ней. Неизвестно, как он ведет себя с семьей и друзьями. Но она знает причину его к ней отношения, знает и то, что – в его глазах – оно заслужено.

Но тут, в Лас-Вегасе, он переменялся. Казалось, он смягчился и они нашли контакт.

И, приходилось признать, ее чувства к нему начали расти. Она не стала бы утверждать, что полюбила его, поскольку не была уверена, можно ли любить кого-то, кто вынашивает в отношении тебя мстительные замыслы. Но она начала радоваться вынужденному положению его любовницы. И понимать, что не стала бы возражать против связи с ним.

Похоже, Чейз думает иначе. По тому, как он сейчас с ней

обошелся, кажется, что он не только не захочет, чтобы она и дальше сопровождала его, но даже и видеть ее.

Тяжело вздохнув, она позволила кружевным трусикам упасть обратно в ящик и с шумом захлопнула его. Потом прошла в ванную комнату, сорвала с себя полотенца и накинула большой махровый халат, предоставляемый среди прочих услуг гостиницы.

Раньше она ни разу его не надевала, предпочитая ему более сексуальные вещицы, привезенные с собой. Все ее вещи были выбраны с расчетом на эротику, поскольку ей казалось, что Чейзу так хотелось.

Ну так к черту его. С теперешнего дня она будет заботиться о своих удобствах, носить, что хочется, не оглядываясь на его предпочтения.

Все равно он больше к ней не прикоснется. Если только попробует, она врежет ему как следует.

Пройдя в гостиную, она схватила попавшееся на глаза меню обслуживания номеров, выбрала двенадцать блюд, показавшихся самыми вкусными, и заказала их все. Ха! Может, она и не использует его кредитную карточку, зато разорит его своими дорогостоящими гастрономическими изысками.

Остаток вечера она провела, свернувшись на громадной софе, занимаясь лицом и переключая телевизионные каналы. Ничего не вызывало ее интереса, и любого количества еды казалось мало, чтобы заполнить зияющую пустоту внутри.

Было почти девять, когда послышалось царапанье карточ-ки-ключа за дверью. Напрягшись всем телом, она пригото-вилась встретить Чейза.

На мгновение ей подумалось, не закрыться ли в ванной комнате. Но такой вариант для трусливых, а она не трусиха. Просто не хочет иметь с ним никаких дел в ближайшем бу-дущем.

Дверь открылась, закрылась, послышались приближаю-щиеся шаги. Ей потребовалась вся ее воля, чтобы не встре-тить его хмурым взглядом, а продолжать смотреть телеви-зор, притворяясь всецело поглощенной драмой, разворачи-вающейся на экране.

Чем ближе Чейз подходил к софе, тем сильнее покалыва-ло ее тело, каждый волосок на коже вставал дыбом. Тем не менее она отказывалась его замечать.

– Елена, – сказал он наконец.

Она не реагировала.

– Елена, – повторил он мягче. – Может, ты хоть посмот-ришь на меня?

Она сжала зубы, чтобы не ляпнуть что-нибудь язвитель-ное, и сделала звук телевизора на несколько уровней громче.

– Проклятие, Елена. – Чейз наклонился вперед, впервые попав в зону ее видимости, и, вырвав пульт у нее из рук, швырнул его на стул, подальше от нее.

Едва сдержавшись, она распрямила скрещенные ноги и встала. Ей удалось сделать лишь несколько шагов, как он

остановил ее, ухватив за руку.

Она уже открыла рот, чтобы обозвать его крепким словом, но он повернул ее к себе, припечатал к стене и прижался жадным поцелуем к ее губам.

С яростным стоном она отталкивала его, дергаясь из стороны в сторону в попытке освободиться. Он лишь усилил свой напор, прижимаясь к ней плотнее по всей длине тела.

И внезапно поцелуй его изменился. Стал мягче, скорее завлекающим, чем требовательным. Она вновь застонала, теперь уже сдаваясь.

Ее ногти впились ему в плечи, притягивая к себе вместо того, чтобы отталкивать, одна нога обвилась вокруг его ног.

– Извини, – выдохнул он. – Я вел себя как осел. Срывал на тебе свое плохое настроение. Нельзя было так, я очень виноват.

Ее мозги начали плавиться, так же, как и все тело. Она едва могла припомнить, что он говорил несколькими часами раньше, тем более почему она так огорчилась.

– Простишь меня?

Его пальцы теребили толстый пояс ее халата, развязывая его и отводя в стороны полы. Под халатом у нее ничего не было, воздух охлаждал разгоряченную плоть. Он коснулся губами ее груди, и она обмерла, забираясь пальцами в его волосы, чтобы удержаться на месте.

Как может она отвергнуть его, если он способен обратить ее кровь в кипящую лаву и лишить разума?

– Да, – прошептала она. – Да, да.

Он переместился к другой груди, и она быстро задышала, откинув голову назад, содрогаясь раз за разом от захлестывающих ее волн желания. Уловив нужный момент, он вошел в нее одним резким толчком.

Прикусив губу, чтобы не кричать, Елена скрестила лодыжки у него за спиной, изогнулась, прижимаясь ближе к нему, и позволила удовольствию поглотить ее целиком.

Он так силен. Так уверен, мужествен и... неотразим. Его нельзя сравнить ни с кем, кто был у нее раньше. И вообще с кем-нибудь.

Дыхание Чейза врывалось ей в ухо, тяжелое и резкое, в пару ее собственному. Несколько мгновений оказалось достаточно, чтобы охватывающее обоих желание стало невыносимым и разорвало их на миллион осколков. Крепко обнявшись, лоя ртом воздух, они медленно опустились на кровать.

Несколькими минутами позже его грудь приподнялась от звучного смешка. Он слегка передвинулся, устраиваясь поудобнее, помещая ее в изгиб своей руки.

– Начинаю понимать, почему так нахваливают секс после ссоры. Может, позднее нам опять поругаться и повторить все заново?

Она хмыкнула, не сомневаясь, что у нее не хватит сил ни ссориться, ни заниматься любовью с таким же неистовством. Будет чудом, если ей вообще удастся подняться на ноги в

ближайшую неделю.

Глава 7

Стоя в углу громадной переполненной залы, Чейз, спрятав руки в карманы, возил тяжелым ботинком по блестящему полу. Везде толклись взрослые, выпивая, смеясь, расхватывая крохотные сэндвичи и кусочки сыра с воткнутыми в них странными зубочистками.

По крайней мере он думал, что это так называется. Когда они только вошли, Чейз хорошо рассмотрел, что разносят на подносах официанты, и решил, что там нет ничего пригодного для еды.

Богатый, дорогой дом был разукрашен к Рождеству. Санты, олени, падуб, снежинки, колокольчики, ангелы, омела... все, что имело хоть какое-то отношение к Рождеству, можно было отыскать в этом музее.

Он ненавидел такую показушность. Если б мама с папой не заставили его идти на эту дурацкую вечеринку, в этот дурацкий старый особняк, он остался бы дома, посмотрел телевизор или отправился с братом в конюшню.

Из случайно подслушанных разговоров родителей он узнал, что в последнее время дела их семьи идут не блестяще. Виктор Санчез нанял его отца для какой-то работы с лошадьми и хорошо заплатил, поэтому, получив приглашение в его дом на празднование Рождества, отказаться было невозможно. Невежливо, как считала мать Чейза, не принять

приглашение.

Но Чейзу все равно было непонятно, зачем надо идти ему или Мичу. Если родители желают пообщаться с Санчезами и произвести на них хорошее впечатление, отлично, но ему-то зачем время тратить?

Тут было совсем мало подростков, а те, что присутствовали, выглядели настоящими снобами. Кое-кого из них он знал, все принадлежали к школьной элите, кругу избранных, куда их с братом никогда бы не допустили.

Он не жаловался. Ему нравилась его жизнь, нравилось ездить на лошадах и помогать отцу ухаживать за скотом на ферме. Будь его воля, он бросил бы школу и проводил дни с животными, объезжал бы своего любимца Скайволкера.

И ни за что не надел бы нелепый костюм, с галстуком, грозящим его удушить. Он дернул за воротник, пытаясь ослабить дьявольскую петлю раньше, чем она совсем перекроет ему воздух.

Тут присутствовала единственная персона, вызывающая его интерес, – дочь мистера Санчеза. Она была на год-два младше Чейза, и он несколько раз видел ее в школе, но у них разные компании.

Санчезы были богаты.

Рэмсеи – нет.

Елена Санчез была популярной, шикарной девчонкой.

Никто не сказал бы, что внешность у Чейза такая, словно ему заехали в нос кирпичом, но девчонки не обращали вни-

мания на ребят в поношенных джинсах, пыльных ботинках и потрепанных ковбойских шляпах.

Что, естественно, не означало, будто парни в потрепанных джинсах не заглядывались на хорошеньких девочек в дорогих нарядах.

И Чейз давно наблюдал за Еленой. Он не признался бы в этом, даже если бы брат взял его за шкуру и пригрозил ткнуть головой в грязный пруд, который они все никак не могли собраться вычистить.

Чейз нервно, нерешительно хмыкнул и начал возить по полу ботинком еще интенсивнее. Он не решался подойти к ней в школе, когда рядом столько других ребят, но сегодня, возможно, получится.

Это ведь рождественская вечеринка. У всех праздничное настроение, а значит – ждешь от них большей покладистости.

Так, может...

Оглядевшись по сторонам, он сделал несколько нерешительных шагов, оторвавшись от своего поста у стены. Мать с отцом болтали с другой парой в дальнем конце зала. Брат танцевал с какой-то хорошенькой девушкой, улыбаясь и кружа ее по центру зала, специально расчищенного для этой цели. Оркестр из восьми музыкантов старался вовсю.

А напротив стояла Елена с несколькими подружками. Они тоже казались знакомыми. Он помнил, что их звали Тиша, Лесли, Стефани и Кэнди, а фамилий не знал. Хотя – какая

разница?

Он выбрал самый длинный путь, огибая толпу, шаркая ногами там, где следовало делать длинные, уверенные шаги. Но это брат – спец по девочкам. Чейз тоже находил с ними общий язык, но по большей части его знакомые принадлежали к типу сорванцов и скорее были из разряда "своих парней", чем подружек.

Елена определенно не из сорванцов, и она будет первой девушкой, которую он пригласит танцевать... если решится.

Теперь он стоял у стойки буфета, совсем рядом с ней. Мимо прошел человек, врезался в Чейза и пошел дальше, не извинившись и вроде даже не заметив. Типичный случай, подумал Чейз. Если ты не один из них – богатых и преуспевающих, – ты словно и не существуешь.

Стараясь не дрейфить, он глубоко вдохнул, вынул руки из карманов и шагнул вперед.

Елена не сразу заметила его. Зато ее подружки среагировали почти мгновенно. Каждая из четверых постаралась превзойти остальных в демонстрации холодности и презрения. Еще бы – по их мнению, он только вылез из конюшни и весь пропах навозом.

Чейз решил игнорировать их, сосредоточив внимание на Елене.

– Привет, – произнес он, опять запихивая руки в карманы.

Она поглядела на него, на подруг, снова на него.

– Добрый вечер.

Ее ответ мог бы быть дружелюбнее, но и совершенно ледяным его не назовешь. Он решил не отступать.

– Весело, правда?

Очередные недоуменные переглядывания стоящих рядом девчонок. Ее лицо сохраняет все то же неопределенное выражение, не слишком заинтересованное, но и не такое высокомерное, как у других членов маленького клана.

– Да.

Вынув руки из карманов, он одернул пиджак, вытер вспотевшие ладони о штаны.

– Слушай, не хочешь потанцевать? – торопливо спросил он, чувствуя, как пылает лицо, и сопротивляясь неудержимому желанию ослабить удавку галстука.

Ее брови взлетели, она бросила косой взгляд на подруг, которые скрестили руки на груди и просто ели его глазами. Одна даже откинула голову назад и противно захихикала.

Чейз едва не сказал ей, что сейчас она похожа на одну из отцовских кобыл, когда та ржет, но пока его больше интересовал ответ Елены.

Елена фыркнула, скрестила руки на груди – точная копия поз ее подруг.

– Не думаю, – ответила она насмешливым тоном.

Взгляд ее зеленых глаз опустился вниз, на его ботинки. Лучшая пара, черная и начищенная до блеска, но все равно ботинки, а не кожаные туфли к вечернему костюму.

Она подняла голову.

– Почему бы тебе не станцевать со своими лошадьми?

Ее подружки зашлись от смеха. Каждая теперь считала нужным добавить насмешку от себя. Да как он смел поднять глаза на одну из них!

Чейзу казалось, что его окатили ледяной водой. Щеки пылали, желудок выворачивался наизнанку.

Не произнеся больше ни слова, он развернулся, выбрался, продираясь сквозь толпу, на улицу, в зябкую ночь. Даже в Техасе ночи бывают довольно холодными, особенно в декабре.

Ему все равно, назад он не пойдет. Посидит в машине, пока родители и брат не решат ехать домой, и скорее замерзнет насмерть, чем зайдет снова в этот огромный дом – или еще куда-нибудь, где может встретить Елену Санчез.

* * *

Спустя несколько часов после своего неистового секса Чейз и Елена лежали в объятиях друг друга посередине громадной кровати, среди сбившихся простыней. Приглушенный шум внешнего мира за стенами комнаты смешивался с их дыханием, убаюкивая.

Чейз сомневался, что его ноги когда-либо снова станут ему служить, не говоря уж о иных частях тела. Ему казалось, что он выдохся уже там, на покрытом ковром полу, – потный, измочаленный, в измятой одежде и рядом с Еленой, на-

ходившейся не в лучшем состоянии.

Но все же он как-то нашел в себе силы подняться и помог встать ей.

Он собирался всего лишь добраться до кровати и рухнуть на нее, но, заметив мелькнувшую в распахнувшемся халате полоску ее кожи, понял: там, где речь идет о Елене Санчез, не может быть полного изнеможения – и полного насыщения тоже. Он начал целовать ее на пороге спальни. Не успели они переступить порог, как уже срывали друг с друга одежду.

Сейчас они снова ощущали приятную усталость и – на какое-то время – удовлетворение. Она прижалась к нему, положила голову на плечо, одну ногу перекинула через его бедро. Дыхание тихое и ровное, волосы, распущенные на ночь, легли ему на руку, как дорогой шелковый шарф.

Возможно, она уснула. После сегодняшних упражнений он не сможет винить ее, если она проспит весь остаток времени в Лас-Вегасе.

Хорошо бы, потому что иначе он не сможет удержаться, чтобы не сказать ей:

– Я видел тебя сегодня днем.

Она резко повернулась, прижалась плотнее, уткнувшись макушкой ему в подбородок.

– А?

Затаив дыхание, он ждал, проснется она или снова провалится в забытие, не зная, чего ему хочется сильнее.

Она продолжала ворочаться, и ему становилось все труд-

нее помнить, что они уже дважды занимались любовью этой ночью. Тут она подняла голову, сонно протерла глаза.

– Прости. – Елена зевнула, прикрыв рот ладонью, – что ты сказал?

Ну давай, раз начал, подумал Чейз.

– Я видел тебя сегодня днем, – повторил он, стараясь сохранять небрежный тон. – В школьном дворе.

По ее лицу пробежала тень. Удивления, шока, непонимания. Почти неуловимая смена выражений до того, как лицо стало вновь спокойным.

– Я думала, у тебя весь день деловые переговоры. – Подтянув повыше покрывало, она устроилась поудобнее, все так же прижимаясь к нему.

– Предполагалось, да. Но мне захотелось знать, куда ты ходишь.

– Зачем?

Она не казалась злой или расстроенной, просто любопытствовала. Что позволило ему без стеснения сказать правду:

– Ты не воспользовалась вчера моими деньгами. – Чейз пожал плечами. – Мне захотелось узнать, чем можно заниматься в городе, не входя в расходы.

– Я тратила деньги, – поправила она. – Но немного. Просто это были мои собственные деньги. – Улегшись ничком, она просунула ногу между его ног, поерзала по груди. Облокотившись подбородком о ладони, встретила его взгляд. – Хотя я же использовала твои деньги – заплатить за такси и

на вчерашний ленч. Надеюсь, ты не против.

Раздражение давало себя знать. Она намеренно притворялась тупицей.

– Мне плевать на деньги. Я не стал бы их давать, если бы не предполагал, что ты станешь их тратить. Я желаю знать, что ты делала в школе для глухих детей, тогда как другая наверняка отправилась бы опустошать магазины?

Уголок ее рта приподнялся в насмешливой улыбке.

– Ты причисляешь меня к определенному разряду женщин?

– Избалованным и самовлюбленным, – ответил он без раздумий.

В ее глазах мелькнуло огорчение, но он не позволил поймать себя на такие пустяки.

Со вздохом она отодвинулась от него и села, кутаясь в покрывало.

– Ты прав. Я именно такой и была. Может, и теперь такая, не знаю.

Скрестив ноги и плотнее заворачиваясь в покрывало, она передвинулась ровно настолько, чтобы нигде не касаться его. Помогая себе локтями, он принял сидячее положение и подложил под спину подушку.

– Ты социальный работник. Ты знаешь язык жестов. И ухитрилась найти единственную, вероятно, специализированную школу в городе за один день. Ничего подобного я не ожидал от девочки, знакомой по старшим классам.

– Если честно, я знаю об этой школе давным-давно. У меня тут подружка преподавала, и, хотя она уже не живет в Неваде, я иногда заскакиваю сюда и провожу время с детьми. Когда случается быть поблизости.

Она поправила покрывало и изменила положение ног. Красный лак на ногтях мелькнул и быстро исчез.

– Как много случилось с тех пор, как мы были подростками. И переменялось.

Достаточно, чтобы превратить эгоистичную, жестокую кривляку в добрую, бескорыстную женщину? Ему не верилось, что возможны такие перемены.

– Знаю, что опоздала на двадцать лет, – сказала она мягко, – но мне жаль, что я так обошлась с тобой на рождественском празднике. Ты прав: я была избалованной, самовлюбленной и так далее. Мои родители имели деньги и влияние, и я считала, что это делает и меня богатой и влиятельной. – Ее глаза потемнели. – Я на самом деле вела себя по-свински.

Поскольку он именно так о ней и думал, то не стал утруждать себя, пытаясь оправдывать ее или утешать. Grosh цена теперь ее сожалениям.

– Что я сказала тебе на той вечеринке ночью... это было жестоко и непростительно. И хотя я сознаю, что не могу заставить тебя забыть причиненные боль и унижение, все равно хочу извиниться.

Чейз сжал кулаки. Ее длинные ресницы влажно поблескивали, казалось, она искренне раскаивается. Но будь он про-

клят, если позволит нескольким слезинкам и сильно запоздавшему извинению убедить себя, будто она стала совершенно другим человеком.

– Что же вызвало такое чудесное преобразование? – спросил он, сам удивляясь своему кислому тону.

– Мама умерла.

Он процедил проклятие.

– Мне очень жаль.

– Ничего, – тихо пробормотала она. Волосы совсем заслонили ее опущенное лицо, руки теребили край покрывала.

– Какое-то время она болела, а переживания такого рода сильно меняют человека. Лишь вчера я была кокетливой примадонной, а на другой день мой мир рухнул. Тогда я поняла, что весь свет вовсе не вертится вокруг моих желаний и что есть вещи поважнее денег и социального статуса.

Он не стал бы соглашаться с последним утверждением. Вся его взрослая жизнь ушла на то, чтобы заработать деньги и получить социальный статус, доказать, что он теперь не просто сын бедного фермера.

И то, что компания "Санчез" должна была послужить ступенью на лестнице, ведущей Чейза наверх, нет ничего случайного. Чейз годами следил за семьей Елены, чтобы знать, когда будет превосходить их в финансовом плане. И возможно, неосознанно надеясь показать им себя.

Он не желал ничего, только чтобы они увидели – и Елена в том числе, – кем он стал. Магнатом, но не отвратительным,

гребущим все под себя, а вызывающим уважение и даже восхищение.

Так почему он должен чувствовать вину перед этой женщиной?

Она пережила утрату. А разве не у всех так?

Он находит ее неотразимой в постели. А кто посчитал бы иначе?

Святой она при этом не становится, а он не превращается в плохого парня.

– Вещи, которые я всегда считала важными, – продолжала она, – утратили свое значение. И все богатство и престиж отца не могли вернуть маме здоровье. Лучшее медицинское обслуживание не помогло.

– И тогда ты стала социальным работником. Пытаешься спасти мир?

– Не весь мир. Но мне хочется помогать людям. У нашей семьи достаточно денег, чтобы помогать. Даже если мы потеряем бизнес, чего мне очень не хотелось бы из-за папы, – пояснила она с нажимом, – мы все равно не пропадем. Мне хочется делать в жизни что-то, что имело бы значение.

– И ты преуспеваешь, как я погляжу.

На ее лице промелькнула улыбка.

– Пытаюсь. Так много несчастных детей, у стольких семей проблемы. Я делаю, что могу – что позволяет закон, – чтобы им было полегче.

– Теперь ты не отказываешь неуклюжим подросткам, ко-

гда они приглашают тебя потанцевать, даже если их родители бедны?

Она покраснела, смутилась.

– Не уверена, что найдется много подростков, которые захотят теперь пригласить меня танцевать, но нет. Я не стану никого унижать из-за семейного статуса или банковского счета. Особенно тебя.

– У меня теперь есть деньги. Может, поэтому я стал более приемлемым?

– Не более и не менее. Я больше не сужу людей по этим параметрам. – Она опять легла.

– Рискну снова рассердить тебя, напоминая о той вечеринке. Я правда считала тебя вполне милым. Если б не подруги и не оглядка на то, что они скажут, я, наверное, пошла бы с тобой танцевать – и с удовольствием.

Чейз не ответил, комната погрузилась в молчание. Рядом с ним Елена дышала глубоко и ровно, он понял – она уснула.

Но Чейз не мог спать, мысли не давали покоя. Ворочаясь рядом, он пытался разобраться в сказанном ею. Но всех его усилий было недостаточно, чтобы совместить "новую" Елену с девочкой из воспоминаний и женщиной, которую он ожидал увидеть в ней.

Единственное, что он знал – эта Елена пробуждает в нем непонятное беспокойство.

Глава 8

Следующие несколько дней в Лас-Вегасе промелькнули незаметно. Чейз проводил дни в деловых встречах, а Елена еще раз побывала в школе, сходила за покупками. Отправила открытки друзьям, хотя знала, что, вероятнее всего, возвратится раньше, чем они их получают. Купила пару серебряных с аметистами сережек для Аландры в бутике Винна.

Вечерами она сопровождала Чейза на все деловые мероприятия. Несколько раз они заказывали еду в номер, ужиная перед телевизором.

А ночью занимались любовью.

Больше разговор о рождественском празднике в доме ее родителей не заходил. Чейз с виду удовлетворился ее ответами. По крайней мере на данный момент.

Елена, конечно, не пыталась успокоить себя надеждой, что прошлое умерло и похоронено. Но была счастлива иметь то, что есть. Проводить с ним время, вспоминать о менее болезненных моментах школьной жизни и общих знакомых, спать каждую ночь в его объятиях.

Последнее больше всего ее тревожило. Ей было уж слишком удобно с ним. Заниматься с ним любовью слишком нравилось. Она слишком часто забывала об особенностях их соглашения.

Так просто было притвориться, что они – обычная пара,

проводящая неделю вместе, пытающаяся узнать друг друга получше. И никаких сделок и договоренностей. Никакого шантажа, завлекшего ее сюда, никакой вины, заставившей ее поступить так, как она поступила.

Как могло такое случиться? Когда возмущение его поступком сменилось сожалением о том, что их договоренность скоро утратит силу?

Будет нелегко. Уже сейчас ее сердце сжималось, а глаза начинало щипать при мысли о времени, когда им придется пойти разными дорогами.

И этот момент уже приблизился.

Она уложила платье в чемодан, пытаясь не думать, что будет потом. Чейз отправился на последнюю встречу в Лас-Вегасе. Он упаковался еще раньше. Обрато в Техас они вылетают после ленча.

И все.

Она глубоко вздохнула, уложила вещи поплотнее и пошла в ванную комнату за туалетными принадлежностями. Если за прошедшую неделю папа нашел способ собрать деньги для SRS, причин поддерживать отношения с Чейзом не останется. Так не глупо ли, что такая перспектива ее удручает? Что она едва ли не желает, чтобы отцу ничего не удалось и появился бы повод побыть с Чейзом чуть дольше?

У сестры будет припадок, если она узнает ее мысли. Аландра упрет руки в бока и разразится тирадой насчет того, что Елена должна быть самостоятельной и не идти на по-

воду у мужчины. Если она хочет продолжать отношения с Чейзом, надо так ему и сказать. Сказать, что хочет быть для него больше чем любовницей. Насколько больше, Елена еще для себя не решила, но пусть бы дал ей возможность разобратся.

Вот Чейз обрадуется! Не хватает еще, чтобы она повесилась ему на шею! Она всхлипнула.

Конечно, он обрадуется. Женщина, которую ему приходилось принуждать стать его любовницей, вдруг требует продолжения. Ничего себе отомстил.

Она услышала стук открывающейся и закрывающейся двери. Несколько раз моргнула, борясь с закипающими слезами, пока он не вошел и не заметил, насколько она расстроена.

– Привет.

Улыбнувшись чересчур широко, Елена повернулась к нему.

– Привет.

– Уложились?

– Только закончила.

– Хорошо. Если хочешь, можно спустить вещи вниз, а после перекусить перед тем, как ехать в аэропорт.

Она кивнула.

– Замечательно.

Потом начала подтаскивать сумки поближе к двери.

– Еще одно, пока мы здесь.

– Да? – Выпрямившись, она увидела, что Чейз не отрываясь смотрит на нее. Он протянул руку, сжал ее плечо.

– Когда мы вернемся... – медленно произнес он, – если твой отец не собрал еще достаточно денег, я ожидаю, что ты будешь и дальше придерживаться условий нашего договора. Если, конечно, ты все еще желаешь помочь Виктору спасти семейный бизнес.

Наполовину оправдание, наполовину угроза. Она должна быть оскорблена его диктатом.

Вместо этого Елена ощутила воодушевление. Десять дней – маловато для сбора достаточной суммы. Значит, потребуются купить дополнительное время отсрочки. Время, проведенное с Чейзом.

Сделка есть сделка.

Она подняла на него глаза и кивнула.

– Конечно. Я лишь прошу соблюдать приличия. Не надо ставить мою семью и остальной мир в известность о некоторых подробностях, сообщать им, почему мы внезапно стали так много времени проводить вместе.

Его пальцы соскользнули с ее плеча.

– Договорились.

Он пошел к двери, а Елена ощутила острое облегчение. Она останется рядом с Чейзом, а не будет выкинута, как ненужная вещь, сразу по прибытии в Техас.

Но как быть с чувством вины, связанным с надеждой, что отцу потребуется побольше времени? С этим она разберется

попозже.

* * *

Лишь спустя неделю после их возвращения Чейз позволил Елене на работу. Она не разговаривала с ним с того момента, как он высадил ее у отцовского дома.

Елена удивлялась, почему он не появляется, вскакивала на каждый телефонный звонок, надеясь, что он потребует, чтобы она провела ночь с ним. Или скажет, что она нужна ему для какого-нибудь выхода в свет.

Но он не объявлялся, и поскольку она не дала ему рабочий телефон, то и не ожидала здесь его звонков. Конечно, узнать ее номер было несложно.

Как всегда, он приступил прямо к делу:

– Моя мама приглашает меня сегодня на ужин. Будет мой брат с женой и дочерью. Я подумал, что ты не откажешься познакомиться со всеми. – Не дожидаясь ее ответа, он продолжал: – Если у тебя уже есть планы, то ничего страшного. Я просто скажу маме, что слишком занят и не могу приехать.

С минуту Елена не знала, что сказать. Рот ее открылся от удивления.

Он хочет познакомить ее с семьей? И если она откажется, сам не поедет?

Что это значит? Простая вежливость или более личные, скрытые мотивы?

Мысли ее метались, сердце бешено стучало.

– Ну, – произнесла она, велев себе встряхнуться, – да, конечно. Я с удовольствием поеду.

– Ты уверена? – Казалось, он едва ли не огорчен, что позвонил.

– Я уверена. Вечер у меня свободный.

Не совсем свободный, но освободится. Сестра поймет. Они всего лишь собирались пройтись по магазинам.

– Когда ты подъедешь? Или хочешь, чтобы я тебя где-то встретила?

– Нет, я сам тебя заберу. Скажем... в шесть?

– Тогда до шести.

– Отлично. Увидимся.

Телефон отключился, а Елена все держала трубку в руке, слушая короткие гудки.

* * *

Что следует надеть на обед с родителями и братом твоего любовника? К счастью, у нее есть сестра, здорово разбирающаяся во всех нюансах проблемы. Стоило Елене изложить суть вопроса, как Аландра оставила дела и встретила с ней дома для крупномасштабного перетряхивания их гардеробов.

Это всего лишь домашний обед, так что никакой вычурности. Требуется нечто повседневное и элегантное. Привле-

кательное и милое, не наводящее на мысль, что над его подбором изрядно потрудились.

С формальным мероприятием было бы проще. Что-нибудь длинное в комплекте с туфлями на высоком каблуке. Но одеваться для обеда в кругу семьи Чейза – истинное наказание.

Они сразу отмели синие джинсы за излишнюю обыденность. Платья любого вида за излишнюю претенциозность. Юбки – пограничный вариант, в зависимости от стиля и дизайна.

После двух или трех часов, чувствуя себя манекеном, выставленным в витрине, Елена позволила натянуть на себя очередной наряд, терпеливо ожидая приговора Аландры.

– Думаю, нашли, – объявила сестра, с усмешкой поворачивая Елену к зеркалу. Елена со вздохом оглядела себя. Почти хорошо. Особенно если Чейз поедет прямо из офиса в том же костюме и галстуке.

Аландра остановилась на черных брюках, удобных туфельках и голубом свитере с вышитыми красными, белыми и черными цветочками.

– Замечательно. Выглядишь шикарно, но будто бы и не собираешься ни на кого производить впечатление. Если буду впервые представляться родителям моего парня, надену то же самое.

Сердце Елены дрогнуло.

– Он не мой парень. – Избегая взгляда Аландры, она взя-

лась за уборку разбросанной по комнате одежды.

– Ты права, – с готовностью согласилась сестра. – Он слишком хорош для просто "парня". Он твой тщательно скрываемый возлюбленный.

С пылающими щеками Елена крутанулась к Аландре и замахала руками, отчаянно кивая в сторону открытой двери.

– Шш, – прошипела она. – Предполагается, что никто не знает, помнишь? Тайна недолго останется тайной, если ты станешь вещать о ней на полную громкость.

Аландра возвела глаза к потолку.

– Тебе так или иначе придется рассекретиться, если вас постоянно будут видеть вместе.

– Мы совершенно не бываем вместе. Он позвонил мне впервые за неделю.

– Да, но ты летала с ним в Вегас и оставалась там почти неделю.

Елена начала сердито постукивать ногой по ковру.

– В Вегас я летала по делам. Никто не знает, что я ездила с Чейзом и чем мы там занимались.

– Я знаю, – пробормотала Аландра.

Брови Елены взлетели вверх.

– Что ты говоришь? Так ты собираешься меня шантажировать, да?

Может, она начала выделять феромоны, сигнализирующие, что она созрела для шантажа? До тридцати трех лет никому не приходило в голову ею манипулировать, а тут – на

тебе, два случая за месяц.

Но Аландра быстро успокоила ее:

– Нет, конечно. За кого ты меня принимаешь? Я волнуюсь за тебя, Елена. Вначале ты сообщаешь, что тебя вынуждает лечь с ним в постель парень, от которого зависит будущее компании отца. И я понимаю твои резоны. Возможно, я сделала бы то же. Но сейчас ты разнервничалась, решая, что надеть на встречу с его родителями. Не понимаешь, что это значит?

Елена недоуменно заморгала. Означает, что она не так уверена в себе, как сестра, разве нет?

– Это означает, что тебе не все равно, – мягко проинформировала ее Аландра. – Если б речь шла о деловом соглашении, тебе было бы безразлично, как ты сегодня будешь выглядеть. Возможно, ты отправилась бы в той же одежде, в которой ходила на работу, и ни минуты бы не раздумывала.

– Неправда. Мне не все равно, как я выгляжу, – неуверенно запротестовала Елена, сама не поверив своим словам.

– Конечно. Но ты отлично смотрелась в том, в чем была с утра. А твой блаженный вид после возвращения из Вегаса подсказал мне, что тебя не приковывали насильно к кровати Чейза Рэмсея, превратив в сексуальную рабыню. Думаю, – Аландра понизила голос, – между вами все серьезно.

Елена сглотнула комок в горле. В который раз пришлось напомнить себе, что невозможно что-либо утаить от сестры, так хорошо ее изучившей. Хорошо ли, плохо ли, но Аланд-

ра видит ее насквозь, несмотря на все увертки. Ее плечи поникли, голова опустилась.

– Я в беде, – призналась она едва слышно.

Сестра подалась вперед, положила руку Елене на колено.

– Ты влюбилась в него?

– Не знаю, но к тому идет. – Подняв голову, она встретила понимающий взгляд Аландры. – К тому идет.

Глава 9

После разговора с Аландрой Елена совсем разнервничалась. Ладони вспотели, колени дрожали, от стеснения в груди трудно было дышать.

Когда к шести часам к дому подъехал Чейз, Елена велела сестре оставаться в комнате. Не хватало только, чтобы Аландра мчалась вниз по лестнице, чтобы взглянуть на него, или высматривала из-за угла, словно ребенок, пытающийся подловить Санта-Клауса, выкладывающего подарки под елку.

Но хотя Аландра поддалась на ее уговоры, Елена знала, что она все равно будет подглядывать из окна.

В машине Елена пыталась поддерживать разговор, не теряя достоинства. Но внутри у нее все тряслось. Ее удивляло, что Чейз не замечает ее испуганных глаз и нервных движений.

Добрались они, по мнению Елены, слишком быстро. У нее совсем не было времени успокоиться. Серебристая машина Чейза свернула на длинную, раскатанную подъездную дорогу, поднимая за собой столб пыли.

Перед домом уже стоял темно-синий пикап. Чейз встал рядом и заглушил мотор.

Минуту оба сидели молча, не делая попытки выбраться наружу. Елена смотрела на входную дверь дома, почти ожи-

дая, что та распахнется, выпуская из себя скопище ночных кошмаров.

Аландра права, что-то это значит. Можно себя не обманывать – она влипла, и влипла по-крупному. По какой-то причине то, понравится ли она его родителям или нет, приобрело громадное значение.

Если б она могла убедить себя в обратном! Убедить, что тут просто очередное деловое мероприятие, которое он попросил ее посетить. Встреча с родителями слишком похожа на смотрины.

Невесты, а не любовницы.

Щелканье ручки дверцы со стороны Чейза ворвалось в ее размышления, она поспешила выйти из машины. Огладив брюки, в который раз попыталась принять непринужденный вид.

Ты его любовница, напомнила она себе так жестко, как только сумела. Не подружка, не невеста, даже не возлюбленная. Для него они семья, а для нее – еще одна группа посторонних людей, на которых требуется произвести приятное впечатление, чтобы выполнить условия заключенной сделки.

– Готова? – спросил Чейз, словно ощутив ее неуверенность.

– Конечно.

Стоило им зайти в дом, как послышались голоса. Мужские и женские, перебивающие друг друга.

Она вошли в просторную гостиную, из которой вел корот-

кий коридор в столовую, полную людей – судя по исходившему оттуда шуму.

Двое мужчин уже сидели на одном конце длинного стола, заставленного тарелками и приборами. Один постарше, другой помладше, но сразу видно: родственники. Должно быть, отец и брат Чейза, подумала Елена.

Рядом с младшим стоял высокий стульчик с русоволосой маленькой девочкой внутри, полностью поглощенной жеванием ручки пластмассовой ложки.

Пока Елена оглядывалась, открылась дверь и, смеясь и болтая, вошли две женщины, обе с миской или блюдом в каждой руке.

– Чейз! – воскликнула старшая, заметив их присутствие. Быстро поставив на стол запеченное мясо и блюдо с бобами, она бросилась им навстречу.

– Привет, мам, – сказал Чейз, обнимая ее.

Его мать обернулась к Елене:

– А вы, должно быть, Елена. Чейз говорил, что, возможно, привезет вас.

Елена поздоровалась, пожала протянутую руку. Чейз тем временем представил их:

– Елена, это моя мама, Тереза. А это, – он показал в сторону стола, – мой отец Исаак, брат Мич, его жена Эмма и их дочь Амелия. Знакомьтесь: Елена Санчез.

Ей улыбались, приветствовали ее, и постепенно беспокойство Елены прошло.

Комната снова наполнилась гулом голосов, каждый пытался говорить одновременно с другими. Бурное веселье не ошеломило, а скорее даже умиротворило Елену. Ей вспомнились некоторые собрания их семьи, до смерти матери. Она, Аландра и отец и теперь старались как можно чаще обедать вместе, но вели себя тише, сдержаннее.

Хотя она не принимала активного участия в разговоре, но отвечала на обращенные к ней вопросы, а несколько раз поймала себя на том, что смеется.

Мужчины отправились в гостиную. Через несколько минут хлопнула входная дверь, Тереза округлила глаза.

– Иссак считает, я не знаю о мерзких сигарах, которые он курит после обеда. Словно я не могу учуять их и спустя несколько часов. Забирает мальчиков на улицу под предлогом, что им надо поговорить. Но сегодня – пусть, зато и у нас есть возможность поболтать.

Эмма свернулась в уголке дивана. Улыбнувшись, она приняла из рук Терезы бокал с вином.

Елена заняла другой угол дивана, чувствуя себя не настолько свободно, чтобы тоже поджать под себя ноги.

Тереза подала бокал и ей, сама села в кресло.

– Итак, – проговорила она обыденно, – расскажите мне, как вы начали встречаться с моим сыном.

– Что за черноволосая красотка? – спросил Мич, потягивая виски. Он успел плеснуть себе немного в стакан перед тем, как отец вытащил их на улицу, чтобы сделать несколько затяжек сигарой. Прежде чем ответить, Чейз отпил из своего стакана.

– Да ерунда. Просто приятельница по школе.

– Ну да. – Не отрывая взгляда от стоящей перед домом конюшни, брат заметил: – Ты не приводил домой женщин со школы.

– Она вроде милая девочка, – подал голос с другого края крыльца Исаак. – Мне она понравилась.

Чейз решил не реагировать. Он сам не понимал, зачем решил взять сегодня Елену с собой. Не затем, чтобы, познакомив с родителями, поглядеть, как она будет себя с ними вести и какое произведет впечатление.

Ему просто... требовалась компания. Не хотелось опять ощущать себя сторонним наблюдателем, в то время как брат женат и явно счастлив со своими женой и дочкой.

С тех пор как Мич и Эмма поженились, родители – в особенности мама – сосредоточили внимание на личной жизни Чейза. Слава богу, у мамы это не навязчивая идея. Но случайные вопросы и замечания, что неплохо бы ему найти себе "хорошую женщину", позволяли понять, что он находит-

ся под постоянным контролем.

Он ведь это знал до того, как притащил Елену сюда. Так какого же черта потребовалось так глупить?

Просто это часть их соглашения. Она идет с ним на собрания и обеды, когда нужна ему, а сегодня ему кто-то нужен.

Только и всего, ничего больше. И если отец с матерью – да и брат – видят за этим большее, их дело. К счастью, она легко вписалась в их шумную команду. Чейз побаивался, что бесцеремонность семьи может ее ошеломить. Но Елена погрузилась в атмосферу их отношений как в свою стихию, мигом став своей.

Впрочем, чему удивляться? Насколько он ее узнал, она приспособливается с необыкновенной легкостью.

Возможно, он и проверял ее, пытаясь застать врасплох. А может, ему просто хотелось быть рядом с ней, сделать частью своей жизни.

Конечно, мысль не из приятных. Если так, у него серьезные проблемы. Предполагается, что она останется его любовницей... не больше того, раз уж он выбрал подобный способ мести.

Человек обычно не приводит любовницу знакомиться с родителями. Человек, намеренный мстить, не пытается объект мести утвердить в своей жизни попрочнее.

Чейз опрокинул остатки виски в рот, увидев, что его отец уже затушил сигару.

– Она только приятельница, – повторил он тоном, не

предполагающим возражений. И, взявшись за ручку двери, предостерегающе оглянулся на брата. – Не лезь в это.

* * *

Новые знакомые понравились Елене, даже несмотря на учиненный допрос. Елена отвечала, что не встречается с Чейзом, они просто друзья и коллеги. Поняв, что гостья не настроена это обсуждать, Тереза Рэмсей переменяла тему.

Поговорили об их с Чейзом поездке в Вегас, но в самых общих словах, о компании Чейза, о семье Елены. И, наконец, о том, как познакомились Эмма и Мич – еще детьми – и как полюбили друг друга.

Прелестная история, у Елены даже слезы проступили. На мгновение она готова была поверить, что настоящая любовь существует и predetermined свершится, несмотря на все препятствия.

И что она вообразила? Что некая невидимая сила соединит их с Чейзом? Кого она обманывает? Пусть он находит ее физически неотразимой... пусть их отношения длятся чуть дольше, чем предполагалось ранее... неужели она думает, что так будет вечно?

Вот если бы они познакомились взрослыми, начали с чистого листа, не обремененные прошлыми обидами. Может, у них и был бы шанс. Не теперь. Но когда придет время расстаться... Елена знала, что какая-то часть ее сердца навсегда

останется с ним.

Ее глаза снова начали наполняться слезами. Следует побыстрее овладеть собой, пока никто ничего не заметил.

Слева от нее скрипнула дверь, вошел Чейз, за ним его отец с братом. Она заметила в руках у Чейза пустой стакан. Он направился прямо к бару. Минуту вроде бы колебался, не налить ли еще. Потом поставил стакан и отошел.

На прощанье Тереза и Эмма обняли Елену, Исаак и Мич пожали ей руку, желая всяких благ. Ее приглашали приезжать еще в любое время, и она обещала, хоть и подозревала, что вторичное ее появление тут очень сомнительно.

– Устала? – спросил Чейз в машине, взглянув на нее, прежде чем полностью сосредоточиться на дороге.

– Не особо, – призналась она честно. Если и была усталость, то лишь от переживаний до встречи с его семьей. Оставив нервное напряжение позади, Елена чувствовала себя как шарик, который внезапно проткнули булавкой, выпустив весь воздух. – Какая у тебя замечательная семья. Спасибо, что познакомил меня с ними.

После краткого неловкого молчания он сказал:

– Ты им тоже понравилась.

Она улыбнулась в темноте.

– Я рада.

Он включил радио, и салон наполнился мягкими аккордами классической музыки. Ни один из них не произнес больше ни слова.

Неожиданно Чейз подъехал к тротуару и остановил машину. Взглянув на него, Елена увидела, что он хмурится и барабанит пальцами по рулю, избегая ее взгляда.

– Могу завезти тебя домой, – сказал он медленно. – А можно поехать ко мне.

Ее сердце подскочило, кожа покрылась мурашками. Она облизала пересохшие губы.

– Думаю... можно к тебе.

Он лишь кивнул. И вместо того чтобы свернуть направо, к ее дому, поехал прямо.

Елена никогда не задумывалась, где он живет. Рисуя Чейза в привычной ему обстановке, она неизменно представляла его за столом в кабинете. Как в тот день, когда она пришла просить за своего отца. Конечно, у него должна быть квартира – скажем, пентхаус на верхнем этаже корпорации "Рэмсей".

Человеку типа Чейза – одинокому, богатому, независимому – не требуется много места. Спальня, ванная, маленькая кухня и, конечно, кабинет для работы.

Поэтому она едва не открыла от удивления рот, когда он свернул к шикарному двухэтажному кирпичному дому.

– Твой дом? – спросила она с неприкрытым восхищением.

Он насмешливо улыбнулся.

– Да, а что? Не предполагала ли ты, что я живу в дешевом отеле? А то и просто ночую за рабочим столом?

Вспыхнув, она подумала, как недалек он от истины, раду-

ьясь, что темнота скрывает румянец.

– Да нет. Я просто не думала, что у тебя свой дом. И такой роскошный.

– Спасибо. Хотя он и не дотягивает до особняка, в котором выросла ты.

Он открыл ей дверь.

– Даже я признаю, что папа перестарался, строя его. Он первым в семье сумел сколотить приличное состояние и, думаю, перепутал дома из "Унесенных ветром" со стандартной американской мечтой. – Получив в награду смешок, она ступила следом за ним на дорожку, ведущую к дому.

Массивная люстра с десятками хрустальных подвесок залила светом фойе и прилежащую часть коридора.

– Как насчет экскурсии?

Она с готовностью кивнула, взбудораженная уже виденным.

Они заглянули в кладовую, кухню и гостиную, остановились перед стеклянной дверью в тыльной части дома. Отсюда был выход на террасу и лужайку, почти неразличимую в приглушенном свете из окон. Имелись также бассейн и тренировочный зал – две вещи, которыми не мог похвастаться даже дом ее отца.

Потом Чейз повел ее наверх и показал несколько элегантно оформленных комнат для гостей и центральную комнату отдыха, которой, судя по ее виду, пользовались нечасто.

В конце коридора располагалась хозяйская спальня, по

размерам вдвое больше других, выполненная в темных тонах. Дверь справа от кровати вела в ванную с джакузи, отдельным душем и двумя раковинами, встроенными в длинную мраморную стойку.

Усиливая произведенное впечатление, Чейз сообщил, что сам занимался проектированием и оформлением всего дома. Вкус у него превосходный, отметила она. Не так просто совместить исключительное удобство с изяществом.

Глупо только, что он живет здесь один. Дом явно велик для одного человека.

– Хочешь вина или еще что-нибудь выпить? – спросил он.

Они стояли посередине спальни и, хотя минуту назад она не ощущала никакого дискомфорта, тут сразу занервничала. Вспомнилась причина, по которой она находится здесь, наедине с ним, так поздно ночью, и сердце слегка подпрыгнуло.

– Нет, спасибо, – качнула она головой. В гостях у его родителей она выпила два бокала шампанского. Еще немного, и голова начнет кружиться. Рассеянно теребя в пальцах ремешок сумочки, она добавила:

– Мне надо позвонить сестре. Сказать, что буду поздно.

Чейз кивнул на трубку, лежавшую на одной из прикроватных тумбочек.

– Давай. – Сняв пиджак, он повесил его в шкаф. – Если хочешь, – предложил он, пока она набирала номер, – можешь сказать ей, что я завезу тебя домой утром. – Обжег пылающим взглядом и добавил: – Если ты собираешься остаться

до утра.

Глава 10

Елена глубоко вздохнула и потянулась, коснувшись спинки кровати. Давно она не спала так сладко. Неудивительно: они с Чейзом порядком вымотали друг друга, пока не провалились в сон. Заслышав какое-то движение в комнате, она открыла глаза и села, подтянув к груди одеяло. Чейз уже был на ногах. Босой, в потертых джинсах и белой рубашке с закатанными по локоть рукавами, он пересек комнату с подносом в руках.

На подносе – тосты, омлет, два стакана апельсинового сока и высокая, узкая ваза с единственным ярко-красным тюльпаном.

– Доброе утро.

– Доброе утро, – откликнулась она, пока он огибал постель и усаживался со своей стороны, осторожно пристраивая поднос между ними. Выглядело все и пахло чудесно.

– Который час? – спросила она, отыскивая взглядом часы.

Прежде чем она успела их увидеть, он ответил:

– Девять.

– Девять? – Елена содрогнулась, поняв, что опаздывает на работу. Такого с ней раньше не случалось.

Отбросив в сторону одеяло, она спустила ноги с кровати, спеша одеться. Если поторопиться, возможно, удастся добраться до места, пока шеф не обнаружил ее опоздания.

– Успокойся, – сказал Чейз, хватая ее за запястье и притягивая к себе. – Я звонил твоей сестре и попросил отпросить тебя с работы, сказать, что ты больна.

Потребовалось некоторое время, чтобы его слова проникли в сознание Елены. Поняв, она удивленно подняла брови.

– Но если ты предпочитаешь плюнуть на одеяло и завтракать голой, – он задорно подмигнул, – я только "за".

Одеяло и правда сползло с постели, оставив ее совершенно обнаженной. Со вздохом она подхватила его и закуталась до подбородка.

Ее пытающие щеки раззадорили его еще больше.

– Неужели ты думаешь, что осталась хоть какая-то часть твоего тела, которую я еще не видел? – Подумав, он добавил: – И не исследовал скрупулезно?

Это точно. Он очень скрупулезный человек.

– Я не привыкла завтракать голой, – откликнулась Елена чопорно.

И заработала еще один смешок.

– Как ты осмелился просить мою сестру врать? – изобразила она возмущение.

На самом деле Елена чувствовала облегчение. Конечно, вести себя так было немного самонадеянно с его стороны, но это ж Чейз. От него только и ждешь хозяйских распоряжений.

Он пожал плечами.

– Ночью мы уснули поздно, нетрудно было догадаться, что

утром ты захочешь поспать. Еще я подумал, что мы можем провести день вместе, раз уж я сказал секретарю, что тоже не буду сегодня.

Вот так сюрприз. Ей казалось, у Чейза Рэмсея выходных не бывает, да он и не знал бы, что с ними делать.

Обнаружив, что поторопилась с выводами, Елена перестала беспокоиться о работе, подвинула поднос к себе и взялась за вилку.

– И что у тебя на уме? – спросила она.

– Эй, это для нас обоих, – взялся он защищать свои права.

– Я оставлю тебе то, что не влезет.

Он фыркнул, но возражать не стал. Вместо этого сказал:

– Займемся, чем ты захочешь. Можно сделать коктейли и посидеть у бассейна. Или на террасе. А то взять что-нибудь перекусить и поехать к моему брату – может, он даст нам лошадей покататься.

Человек, заявлявший, что ему требуется всего лишь любовница, оказался внезапно необычайно стоворчивым.

Елена откусила от тоста, тщательно пережевала, запила глотком сока.

Как ни привлекала перспектива покататься на лошадях, мысль остаться здесь и провести весь день с Чейзом выглядела соблазнительнее. В конце концов, неизвестно, сколько времени они проведут вместе, пока он не решит, что любовница ему больше не требуется... или что *она* не требуется.

– Бассейн... звучит неплохо, – задумчиво произнесла

она. – Но ведь у меня и купальника нет.

– Ничего. – Он потянулся и выхватил тост прямо у нее из-под носа. – Он тебе не потребуется.

– Ты ждешь, что я буду плавать обнаженной? – спросила она растерянно.

– Почему нет? – Он впился зубами в тост. – Я тоже разденусь и, даже если на тебе будет купальник, в какой-то момент все равно его с тебя сниму.

Вилка замерла у ее рта, горло перехватило от возбуждения. Пришлось отложить вилку и отставить тарелку в сторону. Чейз не упустил момента, чтобы взяться за омлет самому.

– Что скажешь? – спросил он с набитым ртом. – Все еще желаешь поплавать?

Она представила, как они барахтаются в воде, занимаясь любовью, и совсем ослабела. С трудом сглотнув и облизав сухие губы, едва сумела вымолвить:

– Ладно.

* * *

Несколько часов спустя Елена радовалась, что не пошла на работу. Неизвестно, сможет ли она заставить себя идти туда завтра.

Чейз растянулся на лежаке в нескольких футах от бассейна, глаза закрыты, грудь поднимается и опускается от равномер-

ного дыхания. Она притулилась рядом, голова на его плече, ладонь отдыхает на его животе. Оба абсолютно обнаженные.

Два стакана, снабженные коктейльными зонтиками, стоят на маленьком стеклянном столике практически нетронутые, из стереосистемы несется нежная музыка, наполняющая весь двор.

– Завтра у меня приглашение на вечер, – сказал Чейз сонно.

Чуть повернув голову, она поняла, что его глаза все так же закрыты, но он явно не спит, как ей показалось вначале.

– Хочешь со мной?

– У меня есть выбор? – спросила она, приподняв голову с его плеча.

– У тебя всегда есть выбор. У нас у всех, – ответил Чейз спокойно. Подняв руку, он начал перебирать мокрые пряди ее волос. – Но я спрашиваю тебя. Это деловой ужин, но ты можешь не ходить, если не хочешь. Перебыюсь как-нибудь, – добавил он со смешком.

Она ощутила, как вибрирует от смеха его тело. – Но мне бы хотелось пойти с тобой, если ты сама хочешь.

Она старалась, чтобы эмоции не сжимали горло и не сбивали дыхания, но не могла удержать завертевшийся хоровод мыслей.

Не здесь ли поворотный момент их отношений? Не предлагает ли он ей стать его женщиной?

Не хочется обманываться, видеть слишком много в един-

ственном замечании, легкой перемене отношения. Но, может быть...

– Я бы с удовольствием пошла, – тихо ответила она, довольная собственным твердым и уверенным голосом.

– Хорошо. Тогда я заеду за тобой в восемь.

И без предупреждения перекатился, поймав ее у самого края лежака и подминая под себя. Она вскрикнула от неожиданности.

– Надень что-нибудь облегающее и сексуальное, что подчеркнет твои великолепные грудь и попку.

Он прижал ее сильнее, и у нее вырвался полувсхлип-полусмешок.

– Ты считаешь, у меня красивая попа? – спросила она, восстановив дыхание.

– Великолепная. Умопомрачительная. Греческие статуи рыдают от зависти.

Усмехнувшись, Елена откинула назад голову, позволяя ему уткнуться лицом ей в шею. Его небритая щека карябала нежную кожу. Потом, наверное, останется след, который придется объяснять домашним и на работе, но ей все равно. Ее спина изогнулась, тело подалось к нему.

Его руки скользили вверх-вниз, губы передвинулись к уху.

– И пусть платье обязательно будет с открытой спиной. Все другие женщины захотят выцарапать тебе глаза, – пробормотал он. – А мужчины будут тебя желать.

– Включая тебя? – спросила Елена. Она обняла его за

шею, обвилась ногами вокруг его талии, лизнула языком подбородок.

– Особенно я. Я буду желать тебя еще до того, как ты сядешь ко мне в машину.

И подтвердил сказанное, скользнув в нее одним долгим толчком. Перед ее глазами поплыли красные пятна.

Остаток дня все ее мысли и устремления касались только греховных, восхитительных вещей, которые проделывал с ней Чейз.

* * *

Как положено послушной любовнице, Елена надела нечто обтягивающее, сексуальное, открывающее спину. Платье, которое, как она надеялась, должным образом выполняло поставленную задачу: подчеркнуть ее грудь и попку. Впрочем, судить Чейзу.

Ей не терпелось посмотреть на его реакцию. Он должен быть с минуты на минуту, и все, что ей осталось, – надеть ожерелье и серьги.

Красное платье до пола имело разрез до середины бедра. Материал был пронизан серебряными нитями, переливающимися при каждом шаге. Глубокий вырез впереди, бретели, завязывавшиеся сзади на шее узлом, отчего спина и плечи оставались совершенно голыми.

Согласно Аландре, она выглядела достаточно горячей,

чтобы облупилась краска с "Мустанга-57". Знать бы, что это значит. Тем не менее Елена рассмеялась и приняла сказанное за комплимент, что наверняка входило в намерения сестры.

Подхватив свой крохотный ридикюль, она покинула спальню и спустилась вниз. Ее нога была на последней ступеньке, когда прозвенел звонок. Громко цокая каблучками, Елена пересекла фойе и открыла дверь.

Солнце уже садилось, но и имеющегося света хватило, чтобы разглядеть каждую деталь мощной, мускулистой фигуры Чейза. Фигуры, невозможно привлекательной в смокинге.

Его черные волосы были зачесаны назад, отчего он выглядел еще сексуальнее.

Она облизнула губы, запоздало вспомнив о тщательно наложенной помаде.

– Вот это да! – пробормотал он. – Выглядишь изумительно.

– Спасибо. Одобряешь платье? Облегающее, сексуальное и так далее. – Повернувшись вокруг себя, она показала спину.

– Красиво. Очень красиво, – протянул он. И провел костяшками пальцев вдоль позвоночника. Ее пронизала дрожь, от его прикосновения и от низкого, вкрадчивого голоса сразу. Если не соблюдать осторожность, кончится тем, что они пропустят вечеринку, катаясь по полу в доме ее отца.

Очень медленно она обернулась к нему лицом, приложила руку к животу, унимая бабочек, порхающих внутри, и спросила:

– Пойдем?

Со страдальческим вздохом он оторвался от поглаживания ее спины.

– Раз надо...

Улыбнувшись, она последовала за ним, закрыв за собой дверь. Им понадобилось около часа, чтобы добраться до гостиницы, где должен был состояться вечер. Рука об руку они прошли в роскошный вестибюль, поднялись на лифте на четвертый этаж и вошли в красиво убранный, полный людей зал.

На пороге Елена подняла глаза и встретила с ним взглядом.

– Ой, совсем забыла... – протянула она так невинно, как только умела, и, приподнявшись на цыпочки, прошептала ему прямо в ухо: – Трусики-то я не надела.

* * *

Трусики-то я не надела.

Трусики-то я не надела.

Трусики-то я не надела.

Зал полон людей, большинство – знакомые, со многими его связывают деловые отношения. Добрая сотня голосов

смешалась в общем гуле.

И все равно он слышал слова, сказанные Еленой ему на ухо при входе в зал. От ее эротического признания он просто застыл. Прирос к месту, готовый загореться, как спичка. Не мог и шагу ступить, пусть даже понадобилось бы спасти свою жизнь.

И не очень-то хотелось погружаться в суету вечера, поддерживать непринужденную беседу. Куда предпочтительнее быстренько подписать чек на какую-то там благотворительную цель, коей посвящена нынешняя вечеринка, и утащить Елену в ближайшую постель. В ее, в его доме, в гостиничном номере... какая разница.

И хотя она увлекла его за собой, добиваясь автоматического выполнения всего, что от него ожидалось, он не слышал ничего, кроме ее голоса, звучащего в мозгу.

Трусики-то я не надела.

Его взгляд скользнул – не впервые за сегодня – к ее ягодицам, проступающим под обтягивающей тканью, переливающейся при ходьбе.

Если б она не сказала, что под платьем у нее ничего нет, догадался бы он сам?

Возможно. Видит бог, он и без того при каждой удобной минуте пялится на ее задницу.

А может, и нет. Он не специалист по женскому белью. Но теперь, когда он знает... когда он знает, у него нет сил сконцентрироваться на чем-то другом.

К ним подходили люди, Елена продолжала таскать его с места на место поболтать то с одним, то с другим, а он лишь машинально произносил шаблонные вежливые фразы. Мозги его сейчас сосредоточились совершенно на ином.

– Не пора ли уезжать? – прошептал он ей в ухо при первой же возможности, незаметно прижимаясь к ней ближе, давая понять причину такой спешки.

С широкой улыбкой, предназначенной для сторонних наблюдателей, она мотнула головой:

– Мы же только пришли, уехать сразу было бы невероятно неприлично.

Он взял у нее предложенную тарелку с набранной из буфета едой, она повернулась взять чего-нибудь и для себя.

Наклонившись поближе, так, что его дыхание согревало ей затылок, он предложил:

– Тогда давай найдем темный уголок, где можно было бы уединиться.

Она рассмеялась, от переливов ее смеха по его телу разбежались теплые волны. Он так крепко сжал тарелку, что удивительно, как та не треснула.

– Не собираюсь поощрять твои дурные склонности.

Осуждающий тон и лукаво сверкающие глаза.

– Тогда не следовало сообщать мне об отсутствии нижнего белья, – прорычал он.

Она вскинула на него невинные глаза.

– Но его действительно нет.

Чейз едва не заскрежетал зубами.

– Именно это я имею в виду, – прошипел он.

Наполнив свою тарелку, Елена направилась к столу, за которым уже сидели три пары. Чейзу ничего не оставалось, как последовать за ней. Все с той же сияющей улыбкой на лице Елена подалась к нему поближе и прошептала:

– Это только заправка. Чтобы держать тебя в тонусе до решающего момента.

Минуту он пристально изучал ее, его ноздри раздувались от отяжелевшего дыхания. Она понятия не имеет, как близка к тому, чтоб ее перебросили через плечо и поволокли, как мешок с зерном. Разразится неслыханный скандал, их фотографии, вполне вероятно, появятся в завтрашних газетах, но сейчас ему было все равно.

Задев его, Елена прошла мимо и взялась за стул.

– Обещаю, что терпение будет достойно вознаграждено, – произнесла она тихо, прежде чем сесть.

Вместо того чтобы умерить желание, бушующее в нем, ее слова лишь подкинули дров в огонь. Уж когда он получит ее в свое распоряжение, ей придется сдержать обещание. В голове роились по меньшей мере шестнадцать соблазнительных образов одновременно, и он настоит, чтобы реализовать все до единого.

Пододвинув себе стул, он пробормотал лишь для нее:

– Хорошо бы.

Усмехнувшись, она потрепала Чейза по руке.

Следующий час они ели, потягивали шампанское и общались с окружающими. Чейзу не было никакого дела до чьих-либо разговоров, но сказывалась хорошая выучка.

После прослушивания положенных речей все покинули свои места и вновь принялись расхаживать по залу. Вот теперь можно откланяться и вытащить ее отсюда.

Он уже положил руку ей на локоть, готовый так именно и поступить, когда они вдруг оказались окруженными группкой высоких, гибких, привлекательных женщин.

– Елена? – спросила дама в бледно-лиловом платье с низким вырезом на груди. – Елена Санчез?

– Да, – ответила Елена теплым и приветливым голосом, ни разу не изменившим ей за сегодняшний вечер. Чейз уже начал называть его "наша политкорректная манера", поскольку один и тот же тон брался и с его деловыми партнерами, и с председательницей благотворительного фонда, и с официантами, разносящими напитки.

– Я так и подумала, что это ты! – заверещала подошедшая женщина, хватая Елену за руки и энергично их сжимая. – Сто лет не виделись. Со школы.

Другие три дамы согласно закивали и заулыбались так же широко. Но Елена явно не узнавала их. Бледно-лиловая прищелкнула языком и подмигнула.

– Тиша Фергусон. Мы ходили в школу вместе. Теперь я – миссис Фергусон-Макдоналд. – Она торжествующе поманила левой рукой, чтобы все увидели громадный бриллиант,

красующийся на ее безымянном пальце. – Я вышла замуж очень, очень удачно.

Чейз сжал челюсти, чтобы не фыркнуть. Очень удачно замужем. Грандиозный успех для нее. И для всех прочих. В этом зале, кого ни возьми, все очень, очень удачно пристроены.

– Тиша! – сказала Елена. – Конечно. Ты прекрасно выглядишь, я тебя едва узнала.

Склонившись друг к другу, женщины расцеловались. Потом взгляд Елены обратился к трем остальным дамам из группы.

– Лесли. Стефани. Кэнди. Как приятно снова тебя видеть. Как поживаешь?

Все пятеро немного поболтали. Тиша – главная болтушка компании – монополизировала большую часть разговора. Дождавшись паузы, Елена обернулась к Чейзу.

– Вы помните Чейза Рэмсея? – спросила она. – Он тоже учился с нами, только классом-двумя старше.

Троица слегка отступила назад, заулыбалась, закивала, но Тиша внимательнее вгляделась прищурившимися, сильно подкрашенными глазами.

– Чейз Рэмсей. Вы не... – Блестящие розовые губы, до того поджатые в размышлении, вдруг задрожали, и она зашлась в резком, неприятном смехе. – Ох, боже! Чейз Рэмсей. Теперь я вспомнила. – Она обернулась к подругам. – Тот жалкий фермерский сын, который приглашал Елену танцевать

на рождественском празднике в доме ее родителей. Жаль, он не видел своего лица, когда его завернули! Бесподобно!

Глава 11

Тиша откинула голову назад и вся отдалась шумному веселью, другие подобострастно присоединились к ней.

У Елены похолодело в желудке. В ужасе она взглянула на Чейза и успела заметить искры ярости, мелькнувшие в его глазах до того, как на лицо легла маска равнодушия, скрывающая от мира настоящие чувства.

– Чейз... – начала она в отчаянии. Но прежде чем ей удалось выдохнуть его имя, он развернулся на каблуках и пошел прочь. Ему в спину несся ядовитый смех Тиши. Внезапно Елена поняла, что не в силах терпеть дольше. Ее так и подмывало дать бывшей подруге хорошую пощечину.

– Как ты смеешь! – вырвалось у нее.

Лесли, Стефани и Кэнди мгновенно замолчали, изумленно уставившись на дерзкую особу, которая посмела обращаться к их королеве в таком тоне. Тише потребовалось немногим больше, чтобы ликующее выражение совершенно пропало с ее лица, а глаза презрительно сощурились.

– Прошу прощения? – откликнулась она надменно.

– Кто дал тебе право так разговаривать с людьми? Обращаться с ними так, словно они ниже тебя?

Тиша открыла было рот, но Елена пошла напролом, не обращая внимания на то, что их ссора уже начала собирать толпу.

– Знаешь, кто ты есть, Тиша? Обычная дрянь. Самовлюбленная напыщенная дрянь. Мне жаль, что я знакома с тобой, а еще более – что когда-то входила в твою отвратительную шайку гиен. – Ее кровь кипела, слова лились потоком: – Кто тут жалок, так это ты сама – Тиша Фергусон-Макдоналд, – язвительно подчеркнула она добавочную фамилию. – Это тебе следует стыдиться своего воспитания, своей внешности, самого своего существования.

Она многое хотела бы еще сказать, но ничего из этого не стоило упущенного времени, когда ей следовало догнать Чейза.

Оставив Тишу с соратницами оправляться от шока, Елена бросилась сквозь толпу. Чем ближе к дверям, тем сильнее она ускоряла шаг, в конце уже почти перейдя на бег.

В коридоре Елена остановилась, огляделась, но Чейза не увидела. Кинувшись к лифту, она жала и жала на кнопку, пока лифт не тронулся.

– Давай же, давай, – бормотала она, уже жалея, что не побежала по лестнице. Ей казалось, что даже на каблуках она добралась бы быстрее лифта.

Когда двери разъехались, Елена вырвалась наружу и, стуча каблуками по мраморному полу, вихрем пронеслась сквозь входную дверь. И успела лишь увидеть мелькнувшие задние фонари его машины.

Бежать за ним, звать уже бессмысленно. Он уехал, и Елена не знала, вернется ли когда-нибудь к ней.

С момента вечеринки прошло два дня. Два дня с тех пор, как Чейз ушел. Два дня, как он отказывается разговаривать с ней.

Из гостиницы она взяла такси до его дома, но он либо не поехал домой, либо не отозвался на ее отчаянные звонки и стук.

Приехав к себе, она немедленно попыталась ему позвониться. Сначала домой, потом на сотовый, даже на работу. Никакого ответа. Он даже не потрудился ответить на ее звонки, хотя она звонила еще несколько раз, оставляя сообщения.

Елена подозревала, что он на работе, но, когда бы она ни позвонила, в приемной спрашивали ее имя, а затем быстро отвечали, что в настоящее время он недоступен.

Не недоступен. Он просто избегает ее, и она отлично это знает.

Когда телефон на ее рабочем столе зазвонил, Елена замерла, сердце ушло в пятки. Все это время работа валилась у нее из рук, все силы уходили на бесконечные попытки дозвониться до него. Теперь она боялась отвечать, потому что это мог быть не он.

После четырех звонков она глубоко вдохнула и сняла трубку.

– Елена Санчез.

– Мисс Санчез, это Нэнси, персональный секретарь мистера Рэмсея. Мистер Рэмсей хотел бы видеть вас в семь вечера в Чез-Пиерра. Вы будете сопровождать его на деловую встречу, поэтому оденьтесь соответственно.

Первоначальное огорчение Елены сменилось удивлением.

– У вас есть какие-то вопросы относительно полученных инструкций, мисс Санчез? – поторопила секретарь.

– Нет. То есть да. Есть. – Наклонившись над столом, Елена крепко сжала телефонный шнур. – А Чейз там? Можно мне поговорить с ним?

– Мне очень жаль, – извинилась собеседница совершенно бесстрастно, – в настоящий момент мистер Рэмсей недоступен, но он будет ждать вас сегодня в семь в Чез-Пиерра. Не опаздывайте.

Линию разъединили, оставив Елену в недоумении.

Чейз просит сопровождать его сегодня во время деловой встречи. Что это значит? Он оправился после грубого выпада Тиши? Если да, то почему не звонит сам? Почему звонит секретарь и разговаривает так холодно? Обычно она проявляла большее дружелюбие в отношении Елены.

Ответов на вопросы не было, и вряд ли они появятся до встречи с ним. Еще пять часов, подумала Елена, посмотрев на часы.

Пять часов до момента, когда она снова увидит Чейза и сумеет узнать, как он в действительности к ней относится.

Оттуда, где он сидел, Чейз видел, как Елена вошла в ресторан. Как обычно, она выглядела роскошно.

Но сегодня он не позволит ее телу или улыбке влиять на него. Пусть почувствует себя в его шкуре.

Уговаривать ее разделить с ним постель и сопровождать его на деловые встречи изначально было глупой идеей. О чем он только думал?

Ясно, конечно. Он думал, что сумеет отплатить ей за прошлое дурное обращение и получить удовлетворение от мести.

Ага. Поглядите, куда это его завело.

Он отпил еще вина из бокала, который вертел в руках уже полчаса, с самого своего тут появления, довольный, что Елена еще не заметила его и продолжает искать. Возможно, это и жестоко с его стороны, но он и пальцем не шевельнет, чтобы привлечь ее внимание. Ему требуется время, еще немного, чтобы набраться мужества и оказаться рядом с ней. Вдыхать ее запах, видеть ее нежную кожу и вспоминать, какова она на ощупь, на вкус.

Вопреки его воле тело взволновалось, напряглось от желания.

Будь она проклята. Будь проклят он сам за предательское вожделение к ней.

Он не хочет хотеть ее. Он хочет ее наказать – за то, что случилось двадцать лет назад и позавчера.

Ярость снова начала вскипать в нем. Ярость, приправленная хорошей дозой похоти.

Она уже приближалась, на лице – нерешительная улыбка. Он почти видел, как мечутся в ее голове мысли, сомнения относительно приема, который ей окажут.

Надо ли встать, взять ее за руку, поцеловать в щеку перед тем, как предложить сесть рядом? Или проявить твердость и предоставить ей возможность самой устраиваться, как хочет?

С непонятно откуда взявшимся чувством вины он вспомнил о ночи, совсем недавно проведенной у него дома. С нею.

Но этот поезд давно ушел. Он снова выпрямился на стуле.

Елена останется его любовницей до тех пор, пока ее отец не сумеет вытащить из ямы компанию "Санчез" – если вообще сумеет – или пока она сама не решит покончить с их отношениями. В этом случае он, ни секунды не задумываясь, купит эту проклятую компанию, как решил с самого начала.

Но до тех пор следует пользоваться ситуацией на все сто.

Она, все еще улыбаясь, подошла к столу и села рядом с Чейзом, оставляя противоположную сторону свободной для двух других участников встречи. Отложив сумочку, подвинула стул чуть ближе и кивнула, когда подошедший официант предложил наполнить ее бокал тем же темным кларетом, что и у Чейза.

Сердце ее стучало как сумасшедшее, а улыбалась она так широко, что боялась, как бы лицо не треснуло. Чейз все молчал, отчего ее желудок постепенно сжимался.

– Привет, – сказала она жизнерадостно. Слишком жизнерадостно, на ее вкус. Должно быть, так говорят марионетки в утренних спектаклях для детей.

Он кивнул, отпив немного вина.

– Я так рада, что ты позвонил. То есть попросил Нэнси позвонить, – добавила она с усмешкой.

Наклонившись вперед, она хотела дотронуться до его руки. Прежде чем их руки соприкоснулись, он снова поднял бокал к губам. Она сглотнула и отдернула руку.

Это ничего не значит, сказала она себе. То, что он не торопится с ней разговаривать и не особо приветствует ее прикосновения, не означает, что он злится на нее или до сих пор переживает из-за недавнего вечера.

Возможно, ему просто неприятна публичная демонстрация чувств, хоть и столь невинная. Или, может, он боится, что его партнеры появятся с минуты на минуту и получат о нем неверное представление.

– Я пыталась дозвониться до тебя, – проговорила она, словно не замечая в его поведении ничего необычного. Сложив руки на коленях, она поймала его взгляд. – Чейз, я хочу поговорить с тобой о...

– Вот они, – резко перебил он. – Это очень важная для меня встреча. Поэтому прошу тебя приложить все усилия,

чтобы никак не повредить мне.

Она широко раскрыла глаза, удивленная его резкостью. За все время, когда она сопровождала его на различных мероприятиях, ею не было сказано или сделано ничего такого, что могло бы ему повредить, и он никогда не видел раньше нужды заранее диктовать ей линию поведения.

Елена находила ситуацию более чем странной. Но, возможно, он никак не отойдет после Тишиных замечаний. Не ей его винить, она сама ощущала себя в какой-то мере виновной, а потому решила спустить ему дурное настроение.

Он представил ее другой паре, и Елена проявила максимум усилий, чтобы завязать дружескую, располагающую беседу, пока они изучали меню, делали заказ и пробовали вино. Чейз, вполне вежливый в отношении мистера и миссис Хазлбек, с ней держался холодно. Вот почему она едва не подпрыгнула, когда его рука легла на ее колено и поползла выше.

Вино, которое она пила, плеснулось в бокале и пролилось ей на блузку. Все глаза за столом обратились на нее.

Она нервно рассмеялась, расправила и без того ровно лежащую скатерть и дернула ногой, пытаясь стряхнуть пальцы Чейза. Они остались на месте.

– Вот незадача, – смущенно проговорила она. – Надо же было пролить на себя вино. Знаете, пятна с шелка так трудно отстирываются.

Другая женщина немедленно согласилась и разразилась

речью, посвященной самым сложным пятнам, встречавшимся ей в жизни.

Вместо того чтобы вернуть беседу к основной теме переговоров, Чейз, казалось, решил сосредоточиться на достижении других целей. Край ее юбки, уступая его напору, начал задирается.

Пальцы Чейза оказались у нее между ног, и ей пришлось прикусить язык, чтобы не издать ни звука. Сжав ноги плотнее, она остановила дальнейшее его продвижение вперед.

К счастью, тут принесли их заказ. Рука Чейза замерла, и она ослабила хватку, зная, что ему потребуются руки, чтобы есть.

Хоть теперь, занятый обедом, он оставит ее в покое, подумала она с отвращением.

Нельзя сказать, что она возражала против ласк Чейза – при соответствующих обстоятельствах. Но заниматься чем-то подобным под столом, во время ужина, предположительно устроенного для решения проблем бизнеса? Поучая ее, как вести себя во время этой встречи, разве не должен он и сам быть аккуратнее?

К счастью, обед прошел без происшествий, Чейз и мистер Хазлбек большую часть времени толковали о делах. Елена позволила себе немного успокоиться, когда на столе появились кофе и десерт. И тут вновь почувствовала его прикосновение под столом.

Чейз спокойно пил кофе, держа чашку левой рукой. А

правая оказалась под столом... и упорно пробиралась вверх.

– Прошу прощения, – сказала она, сняла с коленей салфетку и сложила ее рядом с десертной тарелкой. – Я на минутку отлучусь в комнату отдыха.

Она взяла сумочку и направилась в глубь зала. Оказавшись в дамской комнате, Елена оперлась о край раковины и сделала несколько глубоких вдохов, уставившись на свое отражение в зеркале. Сзади открылась дверь кабинки, и единственная, кроме Елены, посетительница вышла, мимолетно улыбнулась ей, вымыла руки и удалилась.

Как только дверь за женщиной закрылась, Елена оторвала кусок бумажного полотенца, намочила его холодной водой и похлопала себя по шее, по лбу.

Сколько бы она ни возмущалась поведением Чейза, невозможно отрицать его воздействие на нее. Одно прикосновение – и она тает, как снег весной. Даже сейчас чувствуется слабость в коленях.

Дверь дамской комнаты снова открылась. Елена быстро выпрямилась, притворяясь, что спокойно моет руки, а вовсе не прячется здесь... пусть даже так и есть.

И оторопела – вместо очередной дамы в зеркале отразился Чейз, подпирающий дверь. Его губы сложились в довольную улыбку, глаза торжествующе блеснули.

– Что ты тут делаешь? – спросила она хрипло, сжав в ладони обрывок полотенца.

Нащупав за собой защелку, он задвинул ее и шагнул впе-

ред.

– А ты как думаешь?

Отшатнувшись, она ушиблась о раковину.

– Тебе нельзя тут находиться. – Хотелось надеяться, что голос ее достаточно суров. – Это женская комната.

Чейз продолжал идти к ней, на ходу наклоняясь проверить, не видно ли под дверями кабинок чьих-нибудь ног. Убедившись, что все кабинки пусты, он обратил все свое внимание на нее.

– Я знаю. И еще знаю, чего хочу.

Таким она его еще не видела. Страстным – да. Охваченным нетерпеливым желанием – пожалуй. Но никогда он не утрачивал чувства меры, которое в нынешней ситуации, похоже, ему изменило. Как бы часто они ни занимались любовью, как бы ни горели желанием, он никогда не доходил до чего-то подобного тому, чтобы запереться в общественном туалете и овладеть ею, пока гости – его гости – ожидают их за столиком.

– Чейз...

Она вытянула руку вперед, бумажный комок упал ему на грудь. Он лишь хмыкнул и продолжал надвигаться на нее, уже ослабляя ремень брюк.

Она дернулась, собираясь добраться до запертой двери, но он поймал ее, развернул к себе, прижал к ряду раковин.

– Чейз, нет. Мы не можем.

– Конечно, можем. – Его рот накрыл ее губы, а пальцы,

уже разделавшись с брюками, переходили к ее юбке. – Просто сделаем все быстро и тихо.

Приподняв, он усадил ее на стойку, проворно задрав юбку до талии. Его пальцы одним махом стянули пояс и трусики, оставив изящное белье болтаться где-то в районе лодыжек. Ей послышалось, будто что-то затрещало, но он не выказал никакого беспокойства по этому поводу.

Она едва успевала дышать, тем более думать, а он уже раздвинул ей ноги и вошел в нее до упора.

Она задохнулась, вцепилась в его плечи, обхватила его ногами. Он двигался жестко и быстро, его губы искали ее лицо и шею, руки металась по груди, спине и ягодицам – везде, куда только можно было добраться.

Ее бедра сжимали его, желание сравнялось по силе с его желанием, оба неистово приближали разрядку. Никогда раньше ее не брали так грубо, неожиданно. Ей и не хотелось ничего такого. Но сейчас... ах, сейчас она узнала, как много прежде теряла.

Все в мире померкло перед тем, что он с ней делал. Его руки, его губы, его тело... все уверенно толкало ее к краю пропасти.

Содрогнувшись, царапая ногтями отвороты его пиджака, она прикусила его дорогую итальянскую сорочку, заглушая рвущийся из груди крик. Секундой позже Чейз напрягся, следуя за ней.

Несколько долгих минут его грудь вздымалась и опадала

у ее груди, потом он выпрямился, сделал шаг назад и начал приводить себя в порядок.

Смущенная своей нескромной позой, она спрыгнула со стойки и тоже занялась одеждой.

– Нам не следовало этого делать, – сказала она, пытаясь вернуть пояс и чулки на место, не раздеваясь полностью. – Что подумают твои друзья?

– Подумают, что мы задержались в туалете чуть дольше обычного, – ответил он. – Или что мы улизнули, чтобы наскоро пообжиматься. Что недалеко от истины.

Он усмехнулся, но глаза оставались недобрыми. Внезапно ей стало холодно.

– Чейз, – робко сказала она, приглаживая блузку и юбку и проверяя, все ли пуговицы на месте. – Зачем ты это сделал?

– Что? – спросил он с подчеркнутым недоумением, глядя мимо нее в зеркало и проводя пальцами по взъерошенным волосам.

– Это. – Ее голос окреп от растущего подозрения. – Ворвался за мной в дамскую комнату, закрыл дверь. Взял меня на стойке, пока приглашенные гости гадали, куда ты делся.

– А что? – Закончив с волосами, он встретил ее взгляд. – Я захотел тебя и, раз ты согласилась в обозримом будущем быть моей любовницей, имею право заниматься этим когда и где хочу.

Не ожидая ответа, он развернулся и прошел к двери, бросив через плечо:

– Встретимся за столом.

Дверь за ним закрылась, а Елена, застыв, глядела ему вслед, недоумевая, в какой момент потеряла контроль над ситуацией.

Да, она согласилась быть его любовницей. И даже получила удовольствие после того, как ушла первоначальная неловкость. После того как поняла, что за человек Чейз Рэмсей.

Но тот, кого она увидела сейчас, – совсем другой. Нечто подобное она уловила в первую свою с ним встречу, но впоследствии ничего такого не замечала. Ей казалось, что под влиянием растущей привязанности к ней он изменился.

Видимо, она ошиблась. Ужасно, ужасно ошиблась. И не сможет больше себя обманывать.

Ломая пальцы, она обратила внимание, что они холодные как лед. Будто ей пришлось посидеть в холодильнике.

Нет, она не сможет больше изображать его любовницу, когда ее чувства так серьезно задеты. И не позволит обращаться с собой, как с обычной шлюхой, человеку, в которого влюблена.

Глава 12

Краем глаза Чейз заметил, что Елена появилась из глубины ресторана и прошла прямо к входной двери. Она даже не взглянула в его сторону и не задержалась, чтобы передать через официанта извинения за преждевременный уход.

Минуту он раздумывал, не пойти ли следом. Притащить обратно за стол, требуя выполнения условий соглашения.

Но с другой стороны, не ему ее винить. В дамской комнате он вел себя с ней не как джентльмен.

Ну и отлично. Он отказывается признавать за собой вину. Им обоим хотелось одного и того же с самого начала. Воспоминание об их неистовом соединении до сих пор его обжигало, подстегивая преследовать ее, добиваясь повторения.

Что не очень хорошо укладывается в его намерение расставить все по местам. Им больше не будут манипулировать с помощью распахнутых глаз и надутых губок.

Елена может быть сколь угодно прекрасной, но она не стоит потерянной из-за нее души.

Верно ведь?

Он следил за ней, пока она не скрылась из глаз, а потом извинился перед Хазлбеками за нее, пояснив, что она еще до обеда неважно себя чувствовала. Неизвестно, поверили ли они, но ему все равно.

Потом, демонстрируя интерес, которого в действительности-

сти не ощущал, он вернулся к прерванному разговору, стараясь побыстрее закруглиться. Разделавшись наконец с мистером и миссис Хазлбек, Чейз сел в машину и поехал домой.

Он ничуть не раскаивается в том, как обошелся с Еленой. Не страдает от ее отсутствия рядом и не хочет хотя бы услышать ее голос.

Его пальцы так сжали рулевое колесо, что побелели костяшки.

Не хочет. И чертовски устал от мыслей о ней, преследующих его двадцать четыре часа в сутки. Свернув на подъездную дорожку, он выключил мотор, хлопнул дверцей машины и вошел в дом.

Без нее куда лучше.

С утра первым делом надо велеть Нэнси позвонить Елене и узнать, желает ли она дальше выполнять условия их соглашения. Если да, он намерен дать ей понять, что ожидает, чтобы она была там, где он хочет, когда он хочет. Никаких изменений лишь потому, что она, видите ли, не согласна. В качестве любовницы она не имеет права голоса.

А если она откажется, то тоже отлично. Так даже лучше для них обоих.

Естественно, в таком случае он немедленно покупает компанию "Санчез".

При любом раскладе он в выигрыше.

Жаль только, что не чувствует себя победителем.

Волоча ноги, он поднялся по лестнице. Ботинки внезапно

отяжелели как гири. Развязал галстук, стянул пиджак, бросил их на спинку стула в хозяйской спальне.

В его личной спальне, пусть сейчас она не кажется надежной и удобной, как когда-то. До того, как Елена провела ночь тут... в его доме, в его постели.

Даже без нее присутствие Елены еще чувствовалось. Ее запах, звук голоса... Они задержались в воздухе, на полотенцах в ванной, на простынях и подушках под тяжелым покрывалом. Везде ему слышался ее смех, внутри дома и снаружи.

Со злобным рыком он закончил раздеваться и вошел в душ. Но горячая вода не смягчила дурного настроения, холодная не смогла остудить жар, не дающий обрести спокойствие.

Что следует сделать, чтобы изгнать ее из своих мыслей, из своей жизни?

Он треснул рукой по мокрому кафелю, фонтан брызг ударил ему прямо в лицо. Если б можно было смыть тупую, гложащую боль, разрывающую его внутренности, так же легко, как смываются грязь и пот...

Он вышел из душа и взялся за полотенце, когда зазвонил телефон. Вначале он решил не отвечать, записав вызов на автоответчик, но в последнюю минуту обернул полотенце вокруг бедер и потянулся за трубкой.

– Да.

– Чейз.

Звонившей не требовалось представляться. Его мускулы

мгновенно напряглись, каждая клеточка исполнилась желания.

– Это Елена, – продолжила она без выражения. – Очень сожалею, но я не смогу больше выполнять условия нашей договоренности. Я...

Ее голос прервался, у него в груди тоже что-то оборвалось.

– Я просто не могу. Я прошу тебя пересмотреть твои планы относительно бизнеса моего отца, но понимаю, что моя просьба не много значит, следовательно, мне придется смириться с тем, что есть. Прощай.

Чейз присел на край постели, прижимая трубку к уху и слушая короткие гудки.

Ну вот, ответ есть. Все кончено. Она теперь окончательно ушла из его жизни... из его постели, из его мыслей.

Чего он и добивался. Секс, несомненно, был замечательный, но замечательный секс можно получить и из другого источника, не связываясь с Еленой Санчез.

Положив трубку на место, он поплелся в ванную. Закончил вытираться, вернулся в спальню и лег в постель.

Избавившись от нее, он избавится и от неприятных воспоминаний. Все придет в норму.

Глубоко вздохнув, он закрыл глаза, собираясь насладиться желанным умиротворением. Вместо этого ноздри вновь втянули запах Елены. Можно снять постельное белье, уйти из комнаты, но инстинкт подсказывал ему, что это не поможет. Не поможет, потому что запах остался не на простынях

– их уже стирали с тех пор. Нет, запах... Елена... была в его крови, в голове. И, возможно, в сердце.

* * *

Елена плакала не переставая. Не из-за грубости, проявленной Чейзом прошлым вечером, а потому, что поняла: ничего не получится. Ей хватило смелости позвонить ему и сказать, что все кончено.

Возможно, не попадись им Тиша, все могло сложиться иначе. У них было бы хоть немного побольше времени разобраться в себе.

Пусть их отношения длились бы не вечно, но... хотя бы еще чуть-чуть.

Хорошо еще, что сестры нет дома. Никто не будет ее криковать за то, что она оплакивает ничтожнейшего, по мнению Аландры, человека в мире.

Теперь надо ехать к отцу объяснять, что полученная отсрочка закончилась.

* * *

Дверь отцовского кабинета, как обычно, оказалась нараспашку открытой. Елена легко постучала, и при виде его широкой улыбки настроение у нее тоже слегка поднялось.

– Елена, дорогая. Ты прекрасно выглядишь сегодня. Я так рад, что ты заскочила.

Только отец мог увидеть нечто положительное в ее внешности в такой день, как сегодня, когда у нее и нос, и глаза опухли и покраснели от многих часов непрерывного плача.

– Папа, мне надо поговорить с тобой.

– Конечно, конечно.

– У меня плохие новости, папа.

– Что такое, дорогая? Ты знаешь, что можешь мне все рассказать.

Она кивнула.

– Я говорила тебе, что условилась с Чейзом Рэмсеем об отсрочке, которая даст тебе некоторое время, чтобы собрать деньги и получить кредиты, необходимые для спасения нашей фирмы, но... договор... утратил силу. Мне так жаль, папа. Очень, очень жаль.

Минуту отец ошеломленно молчал. Потом открыл рот, но прежде, чем успел хоть что-то сказать, его перебил другой голос:

– Виктор, вот вы где.

Елена и Виктор Санчез одновременно обернулись к двери, в проеме которой стоял Чейз.

Ее сердце готово было выскочить из груди. Что он тут делает? Тем более в таком виде. Никогда ей не приходилось видеть его таким растерзанным. Дорогой, сшитый на заказ костюм помят, галстук повязан наспех. Щеки заросли ще-

тиной, а волосы едва ли приглаживались чем-нибудь, кроме пальцев.

– Чейз Рэмсей, – представился он. – Я намеревался обсудить с вами проблемы, касающиеся компании "Санчез". – Обращался он к Виктору, но постоянно поглядывал в сторону Елены. – Меня больше не интересует покупка вашей компании для корпорации "Рэмсей". Мне известно, что вы до сих пор испытываете затруднения в части получения капитала, и, если вы согласитесь принять помощь, я буду счастлив предложить вам свой опыт, а возможно, и финансовую поддержку.

И Елена, и Виктор потеряли дар речи. Елена смотрела на Чейза, гадая, что заставило его так стремительно переменить решение.

– Я... благодарю, – пробормотал наконец Виктор. – Я высоко ценю ваше предложение, мистер Рэмсей.

Чейз отрывисто кивнул, словно его слова относительно предприятия Виктора были лишь вступлением, и вперил пронзительный взгляд в Елену.

– Елена, можно тебя на минутку?

Смущенная и взбудораженная, она встала, бросив быстрый взгляд на отца, который, казалось, готов был лопнуть от радости, что угроза семейному бизнесу миновала.

– Я скоро.

В коридоре Чейз взял ее под руку, отчего по телу поползли знакомые теплые волны. Печально, что он способен так

влиять на нее, когда она решительно настроена с ним расстаться. Подняв голову, она поглядела ему в лицо.

– Очень великодушно с твоей стороны. Что заставило тебя изменить мнение?

– Ты. – Пальцы, крепко сжимающие ее локоть, разжались, и его рука упала вниз. – После того как ты вчера ушла из ресторана, я поехал домой, думая, что все отлично. Знал, что ты покончишь с договором, с нашими отношениями, и чувствовал облегчение, потому что с того момента, как мы начали проводить время вместе, я сам не свой.

Пригладив руками волосы, он хрипло продолжал:

– Когда ты впервые вошла в мой кабинет, я готов был ненавидеть тебя, Елена. Наслаждался возможностью расквитаться с тобой за переживания двадцатилетней давности.

– Мне очень жаль. Я уже пыталась извиниться...

– Да, знаю. Все равно. Целых двадцать лет я не мог выбить из головы события той рождественской вечеринки. А прошлым вечером... Я обращался с тобой хуже некуда, пытаюсь поставить в такое же положение, в каком оказался сам двадцать лет назад. Ты ушла – сделала то, что должна была сделать, то, что я и заслужил. И после твоего звонка, когда ты сказала, что сделка расторгнута, я ожидал, что тяжесть с моей груди упадет и мир вновь станет для меня прежним. А вместо этого я не могу спать. Я дышать могу с трудом.

Поймав ее ладони, он переплел ее пальцы со своими, слегка сжал.

– Я чувствую твой запах в комнате, слышу твой смех. И внезапно я понял, каким был дураком. Потому что на самом деле мне хочется, чтобы ты была рядом со мной, в моих объятиях. Вот чего мне хочется. Теперь и навсегда.

Елена моргнула, готовая попросить его повторить сказанное. Ее трясло изнутри. Прошлой ночью он обращался с ней, словно она не более чем оплачиваемая компаньонка. А теперь признается, что равнодушен к ней.

Как можно быть уверенной? Откуда она может знать, что он не переменит мнение, опять столкнувшись с Тишей Фергусон-Макдоналд или с кем-нибудь подобным?

Ее сердце подсказывало обвить его шею руками, прижать и не выпускать. Она решила выбрать промежуточный вариант:

– О чем ты говоришь, Чейз?

Его руки сильнее сжали ее пальцы. Он придвинулся ближе.

– Я говорю, что люблю тебя. Думаю, с самой школы. Думаю, я не мог бы так злиться и переживать из-за тебя, если бы уже тогда ты не была для меня дороже, чем мне хотелось признаться.

– Но что случилось той ночью при встрече с Тишей? Я никакого отношения не имею к ее словам, клянусь тебе, Чейз. Совершенно не разделяю ее мнений и взглядов...

Подняв руку, он прижал палец к ее губам, прервав поток фраз.

– Я понял. Знаю – поздновато, но понял. Я готов простить тебя за то, что ты сделала в четырнадцать лет, если ты простишь меня за прошлый вечер. Я думал, оттолкнув тебя, я обрету власть над своими эмоциями. И не понимал, что наши отношения давно перестали быть только деловым соглашением. Мне надо было почти потерять тебя, чтобы в голове у меня прояснилось и я понял себя самого.

Чейз слегка приподнял ей подбородок, заглянул в глаза. Елена надеялась, что он не заметит блестящих там слез, губ, дрожащих от переполняющего ее восторга.

– Скажи мне, что еще не слишком поздно, Елена, – прошептал он. – Скажи, что чувствуешь то же самое и что мне не удалось окончательно все испортить своим упрямством.

Минуту ей казалось, что она сейчас взлетит от наполнившей ее радости.

– А что с Тишей? Что, если мы столкнемся с ней и она снова повторит то же, что и тогда? Ты вновь собираешься ополчиться на меня? Неужели придется проходить через это всякий раз, когда нам попадется кто-нибудь вроде нее?

Его губы сжались, но он немедленно ответил достаточно спокойно:

– Не стану обещать, что приму это с восторгом или что не впаду на пару дней в плохое настроение. Но и не стану обращать это против тебя, разве что тебе придется выслушивать мои ворчания до тех пор, пока я не справлюсь с собой. И потом, теперь я знаю себе цену и мне больше не требуются

чь-либо одобрение или признание.

Он провел пальцами по ее волосам, убрал с лица выбившуюся прядь.

– Мне потребовалось двадцать лет, чтобы понять это, но теперь я знаю и не собираюсь забывать. Все, чего я прошу, – дай мне шанс доказать это. Я люблю тебя, Елена. И хочу, чтобы ты оставалась со мной. Не как любовница, а как жена.

Чейз не отрывал взгляда от ее лица, его глаза сверкали, как синие льдинки.

– Что скажешь, милая? Стою я риска?

Да, стоит. Их отношения могут быть непростыми, но, пока они любят друг друга и готовы друг друга выслушивать, ей верилось, что все сложится хорошо.

– Тебе трудно отказать, – сказала она мягко, смагивая слезы. – Я тоже люблю тебя, поэтому мой ответ – да.

Улыбка, сверкающая как солнце, расплылась по его лицу. Его радость передалась и ей, и вот уже оба улыбались.

Он поцеловал ее так нежно, как только мог.

– Так значит – да? Ты выйдешь за меня замуж?

– Значит, да. Но обещаю щелкать тебя по носу всякий раз, когда ты начнешь дуться и грубить.

– Согласен. А я обещаю никогда не вести себя так, как тогда в ресторане.

Она вскинула голову и изогнула бровь.

– Ну, не знаю. Это было не так плохо. Я, должно быть, никогда уже не смогу вымыть руки в общественном туалете

без задней мысли.

– Ага, будущая миссис Рэмсей, я всегда подозревал в вас скрытые порочные наклонности!

Перебросив волосы через плечо, она улыбнулась ему и прижалась всем телом к его мускулистому телу.

– Что я могу сказать? Последнее время мне было с кого брать пример.

Эпилог

Рождественская музыка мягко играла, пока человек пятьдесят гостей, члены семьи и друзья, собравшиеся в зале, пили, шумели, веселились. Куда ни посмотри – золоченые гирлянды, снежинки, венки из падуба. С одной стороны длинного стола стояли плечом к плечу Елена и Чейз. На ней было простое белое платье, в руках – букет из белоснежных роз. На левой руке переливалось бриллиантовое обручальное кольцо.

День свадьбы стал счастливейшим днем в ее жизни. Никогда Чейз не казался ей таким красивым и довольным.

Это он предложил, чтобы они поженились на Рождество и чтобы церемония происходила в доме ее отца – в той же зале, что и памятная обоим рождественская вечеринка.

Она активно возражала, опасаясь, как бы не вскрылись старые раны. Но он оставался непреклонным и вынудил ее сдаться.

Слегка повернув голову, она посмотрела на мужа и улыбнулась. Чейз наклонился и прижался губами к ее губам – что делал на постоянной основе с того момента, как священник произнес "Теперь вы можете поцеловать невесту".

– Счастливого Рождества, миссис Рэмсей, – проговорил он, выпрямляясь.

– Счастливого Рождества, мистер Рэмсей, – ответила она.

Он обнял ее за талию и прижал к себе. Она положила голову ему на плечо, наблюдая за гостями.

– Вероятно, нам и самим следует потанцевать, – сказал Чейз у ее уха. – Люди станут говорить, что мы всю ночь простояли с кислым видом.

Она фыркнула и решительно шагнула к центру зала.

– Думаю, ты прав. Рождественские гимны – немного странный выбор для свадебного приема, но это же *рождественская* свадьба.

– Не странный, а романтический. И подумай – я теперь ни за что не забуду дату нашего юбилея.

– Только попробуй! Тем более что место и дату ты сам выбрал. Или, может, уже жалеешь об этом?

– Нет, не жалею. Я хотел, чтобы ты вышла за меня замуж здесь, на Рождество, и чтобы знала: прошлое осталось в прошлом. Кстати, если бы ты не отказала мне тогда так жестоко, я бы не стал ненавидеть тебя целых двадцать лет.

Она закатила глаза с таким видом, будто не желает об этом слышать, но он проигнорировал ее гримасу и продолжал:

– И я не вынудил бы тебя лечь в постель со мной, и мы не полюбили бы друг друга. Так что я должен быть благодарен тебе, что ты была заносчивой маленькой врединой и, стараясь произвести впечатление на подруг, растоптала мое нежное юное сердце.

– Я думала, ты меня простил, – сказала она и, воспользовавшись моментом, случайно или нарочно наступила ему на

ногу.

– О, я простил тебя. Что не означает, будто я не стану изредка тебе этим докучать.

– Отлично. Но я готова терпеть всего лет двадцать или около того, так что старайся исправиться, пока еще имеешь шанс.

Уголки его рта смешливо дрогнули, он опять наклонился поцеловал ее.

– По мне, так это справедливо.